

«КТО ОТЛУЧИТ НАС
ОТ ЛЮБВИ ХРИСТА?»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Римини 2013

**«КТО ОТЛУЧИТ НАС
ОТ ЛЮБВИ ХРИСТА?»**

**Упражнения Братства
Общение и Освобождение**

Римини 2013

© 2013 Fraternità di Comunione e Liberazione
Перевод с итальянского: Наталья Тюкалова
Редакторы: Татьяна Коробейникова, Елена Фьерамонти

На обложке: Джотто, *Тайная вечеря* (фрагмент), Капелла Скровеньи, Падуя

Ватикан, 16 апреля 2013

*Его Преподобию
Отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства *Comunione e Liberazione**

По случаю ежегодных Духовных Упражнений Братства Движения «Общение и освобождение», которые пройдут в Римини и будут посвящены теме «Кто отлучит нас от любви Христа?» в контексте Года веры, Его Святейшество Папа Франциск сердечно приветствует организаторов и многочисленных участников и передает свои наилучшие пожелания. Выражая свое одобрение этому дальновидному пастырскому начинанию, Святейший Отец надеется, что оно поможет возобновить тесную связь с Божественным Учителем и глубже осознать, что Господь жив и идет с нами. Призывая изобилие небесных милостей, он просит помнить о нем в молитве и от всего сердца, через заступничество Девы Марии, посылает испрашиваемое апостольское благословение, благоприятствующее неизменно плодотворному церковному пути.

Кардинал Тарчизио Бертоне,
Государственный секретарь Его Святейшества.

Пятница 19 апреля, вечер

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано с оркестром № 23 ля мажор, К 488

Wilhelm Kempff, фортепиано

Ferdinand Leitner – Bamberger Symphoniker

Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

о. Хулиан Каррон

Не мы строим Церковь, «Церковь начинается не с нашего дела»¹, – напомнил нам Бенедикт XVI. Не наши дела смогут вновь пробудить нашу жизнь. И поэтому так же, как это было для учеников, нам, собравшимся здесь на наши Духовные упражнения, нашей нищете, нашей неспособности больше всего соответствует просьба: просьба к Святому Духу, чтобы Он Сам вновь пробудил нас, полностью пробудил наше желание, полностью пробудил в нас ожидание Христа.

«Снизойди, Дух Святой»

Приветствую каждого из присутствующих здесь и всех друзей, которые находятся на связи с нами в 21 стране, а также всех, кто будет участвовать в Духовных упражнениях в течение ближайших недель.

Начну с телеграммы Святейшего Отца: «По случаю ежегодных Духовных Упражнений Братства Движения «Общение и освобождение», которые пройдут в Римини и будут посвящены теме «Кто отлучит нас от любви Христа?» в контексте Года веры, Его Святейшество Папа Франциск сердечно приветствует организаторов и многочисленных участников и передает свои наилучшие пожелания. Выражая свое одобрение этому дальновидному пастырскому начинанию, Святейший Отец надеется, что оно поможет возобновить тесную связь с Божественным Учителем и глубже осознать, что Господь жив и идет с нами. Призывая изобилие небесных милостей, он просит помнить о нем в молитве и от всего сердца, через заступничество Девы Марии, посылает испрашиваемое

¹ Бенедикт XVI, *Размышления во время первого заседания XIII очередной Генеральной ассамблеи Синода епископов*, 8 октября 2012 г.

апостольское благословение, благоприятствующее неизменно плодотворному церковному пути. Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь Его Святейшества».

«Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»²

Мне кажется, эти слова лучше всех других выражают тот самый вопрос, который совершенно особым образом стоит перед каждым из нас в это время. И поскольку мы слышали его много раз, мы рискуем тут же отложить его, считая это некоторым преувеличением, считая, что эти слова Иисуса, в конечном счете, не имеют к нам отношения. Мы словно говорим: «Но мы-то тут при чем? Это верно для других, неверующих, агностиков, а мы-то?». И таким образом заранее отказываемся от этого вопроса.

Но два указания напоминают нам, что так себя вести не подобает. Первое – это объявление Папой Бенедиктом XVI Года веры. Он сказал: «Нередко случается, что христиане больше озабочены социальными, культурными и политическими результатами своего дела, продолжая считать веру само собой разумеющейся предпосылкой сосуществования людей. В действительности же это предубеждение уже не только не соответствует действительности, но зачастую даже оспаривается. Если в прошлом было возможно говорить о каком-то культурном единообразии [...], то сегодня это уже не представляется таковым немалой части общества в силу глубокого кризиса веры, который затронул многих людей»³. Этот кризис имеет все более явные последствия даже на плодородных землях, – продолжил Папа Бенедикт XVI во время Синода итальянских епископов, – и существует риск, что эта земля превратится в «дикую пустыню»⁴.

Все это нам должно быть очень знакомо, так как Движение родилось именно для того, чтобы ответить на этот вызов, брошенной вере, когда появились первые признаки пустыни. Сколько из нас пришли сюда из пустыни и заново открыли ценность христианства как раз тогда, когда их окружала пустота!

Но это не может сбить нас с толку, словно это уже пройденный этап, о чем свидетельствует следующее письмо: «Работа, которую ты предлагаешь нам в это время, заставляет меня задать себе один вопрос – и я никогда не думал, что придется задавать его себе спустя почти сорок лет принадлежности Движению: верю я во все это или нет? И если бы речь

² Лк 18,8

³ Бенедикт XVI, *Porta fidei*, 2. Апостольское послание от 11 октября 2011 г.

⁴ Бенедикт XVI, *Речь на Собрании Итальянской конференции епископов*, 24 мая 2012 г.

шла о повторении теории или утверждении определенных принципов, в этом вопросе не было бы необходимости. Было бы достаточно раз и навсегда выучить нужные слова и потом приспособливать их к разным ситуациям, а часто происходит именно так. И если для современного мира вера уже не является само собой разумеющейся предпосылкой, то для меня она часто становится как раз лишь само собой разумеющейся, очевидной, уже известной предпосылкой. Когда речь идет о такой вере [сведенной к этому], вопрос звучит так: «Верю я во все это или нет?». Этот вопрос часто содержит скептическое или моралистическое настроение, которые со временем становятся невыносимыми. Как будто из-за нехватки или отсутствия сознания того, что со мной произошло и продолжает происходить, вера является результатом чего-то, что я должен добавлять или применять. Это тяжелый, изнуряющий труд».

А вот другое письмо: «Дорогой отец Каррон, во время работы в нашей группе Школы общины некоторые из нас рассказывали о своем опыте. Во всех выступлениях говорилось об определенном отношении к жизни: кто-то рассказывал, как он заботится о своих родителях, кто-то – об отношении к работе, которое приносило ему большее удовлетворение, кто-то высказывал суждение о своем опыте. Все было хорошо и интересно, но все это могло быть также результатом умственного или нравственного усилия. При чем тут христианский опыт? Никто из нас не ставит под сомнение существование Бога, но в чем разница? Любой стал бы заботиться о своих родителях, любой может достичь успеха в работе, все хотят и стараются хорошо относиться к своему жениху, мужу или детям. Но иногда мне кажется, что мы сразу переходим к следующему этапу, к следствиям. А что остается от очарования христианства, о котором мы часто говорим? Что остается от обаяния Христа? В этот пасхальный период меня поразили чтения, которые говорят об изумлении учеников, увидевших воскресшего Христа, и постоянно повторяющиеся слова: «И уверовали в Него!». В чем же разница между «просто хорошими людьми» и христианством из плоти и крови?»

Если вера становится только лишь само собой разумеющейся предпосылкой или сводится к этическим следствиям, что остается от обаяния Христа?

Мы все должны быть благодарны тому, кто, как эта наша подруга, задает этот вопрос, заставляет обратить на него внимание, не довольствуется следствиями, но задает нам этот вопрос в лоб.

Второе указание исходит от отца Джуссани, который всегда призывал нас не считать веру чем-то само собой разумеющимся. Причина проста: можно принадлежать Движению, – говорит он, – но не иметь подлинной

веры. «Настоящая проблема Движения сегодня – это истинность нашего опыта и, следовательно, наша связь с истоком. Среди нас существует такое отношение, которое фокусируется на том, «как идут дела» или «как ситуация в общине», тогда как необходимо обращать внимание на то, как возродить к жизни чуткость восприятия истинности опыта Движения. Нужно, чтобы Движение было жизнью, а не превращалось в схему [...] Сегодня можно принадлежать Движению таким образом, что это не вовлекает подлинную веру и не подвергает суждению жизнь каждого человека и всей общины, без обращения»⁵.

Папа Франциск недавно сказал, что часто из-за «поверхностности, а иногда из-за безразличия мы занимаемся множеством вещей, которые считаем важнее веры»⁶. Но это не проходит без последствий для нашей жизни. И чтобы каждому из нас было проще это осознать, отец Джуссани, как обычно, указывает нам самый явный изначальный признак такого положения вещей: «[Самый впечатляющий] симптом того, что схема взяла верх над жизнью, – это растерянность, охватывающая взрослого человека, когда он сталкивается с жизненными проблемами. В общем, взрослый человек избегает труда воплотить веру в жизнь и не позволяет вере поставить себя под вопрос [...]; или же в отношениях с женой, воспитывая детей, сталкиваясь с политическими проблемами, находясь на рабочем месте, он действует, оставляя в стороне то, что провозглашает в жизни общины; в лучшем случае он просто становится носителем предлагаемых общиной инициатив»⁷.

Итак, по словам отца Джуссани, наша растерянность, растерянность взрослых перед лицом жизненных проблем тесно связана с трудом воплощения веры в жизнь. Если вера не является жизненным ресурсом для переживания трудностей, с которыми мы вынуждены сталкиваться, для чего тогда верить? Что значит иметь веру? Отец Джуссани выносит точное суждение о ситуации, в которой мы живем: «Самая главная проблема современного мира – это не вопросительная теоретизация, а экзистенциальный вопрос. Не «кто прав?», а «как жить?». Сегодня мир вернулся к евангельской нищете. Во времена Иисуса главной проблемой было, как жить, а не кто прав. Последнее занимало книжников и фарисеев. Это замечание также меняет приоритеты нашей заботы: мы должны перейти от интеллектуальной позиции критицизма к страсти к тому, что отличает современного человека: сомнение относительно существования, страх

⁵ «Il vero problema di CL è la verità della sua esperienza», a cura di L. Cioni, *CL litterae communionis*, n. 4, aprile 1977, p. 8

⁶ Папа Франциск, *Общая аудиенция*, 3 апреля 2013 г.

⁷ «Il vero problema di CL è la verità della sua esperienza», op. cit., p. 8

жить, хрупкость жизни, собственная несостоятельность, панический страх перед невозможным, ужас от несоизмерности между ним самим и идеалом. Это суть вопроса, и это должно стать отправной точкой на пути к новой культуре, к новой критичности»⁸.

Эти слова сегодня имеют еще больший вес, чем в 1991 году, когда они были сказаны.

Это суждение отца Джуссани прекрасно показывает, в чем трудность жизни, та трудность, которую Павезе описывает с присущей ему гениальностью: «Жизнь человека протекает там, среди домов, среди полей. Перед очагом и в постели. И каждый зарождающийся день приносит тебе то же напряжение и ту же нехватку [...]. В конечном итоге, это надоедает. Гроза обновляет равнину. Ни смерть, ни страшные беды не ввергают в отчаяние. Но нескончаемое напряжение, усилие оставаться живыми час за часом, известия о зле других людей, зле убогом, надоедливом, как летняя мошкара, – вот она, жизнь, которая сбивает нас с ног»⁹. Трудно острее, убедительнее описать драму повседневной жизни. Каждый день все то же напряжение и та же нехватка. Напряжение нескончаемое, надоедливое, как летняя мошкара. Повседневность – это «жизнь, которая сбивает нас с ног». Страшные беды или смерть, в конечном итоге, не ввергают нас в отчаяние, но именно повседневность сбивает с ног, делает жизнь поистине драматичной.

Именно поэтому перед лицом жизни, сбивающей нас с ног (не в своих мыслях, своих намерениях, чувствах, в наших спорах), мы должны сделать проверку веры – перед вызовами реальности! Отец Джуссани никогда не сдается; ставя перед нами проблему в ее сути, он не позволяет нам мошенничать в том, что касается нас и веры. Он бросает нам вызов, утверждая, что подлинность веры проясняется в жизненных испытаниях: «Вот [...] признак истинности, подлинности нашей веры: стоит ли вера на первом месте или первое место занято какими-то другими заботами, действительно ли мы ждем всего от события Христа или ждем от события Христа того, чего решаем ждать, в конечном итоге превращая Его в повод и поддержку для наших проектов, наших программ [от которых таким образом мы на самом деле ждем всего!]. Закон духовного развития, этот динамический закон жизни нашей веры [...], имеет поистине огромное значение как для отдельных людей, так и для сообществ, как для сообществ, так и для отдельных людей. Всегда верно, что для того, кто понимает Бога и ищет Бога, все содействует ко благу, и всегда верно,

⁸ *Corresponsabilità*. Stralci dalla discussione con Luigi Giussani al Consiglio internazionale di Comunione e Liberazione – agosto 1991, *Litterae communionis-CL*, novembre 1991, p. 33

⁹ C. Pavese, *Dialoghi con Leucò*, Einaudi, Torino 1947, pp. 165-166

что в трудностях становится ясно, ищешь ты Бога или нет [...]. При столкновении с сомнением, проблемой, вопросом, трудностью становится ясно, что же любит человек. Ищем ли мы Христа или нашего самолюбия, самоутверждения (какие бы они ни были), – все это видно, все это проявляется именно во время испытаний и трудностей»¹⁰.

В этом году у нас не было недостатка в трудностях, напротив. Все мы хорошо их видели: общие сложности – кризис, который нависает над нами все больше и все больше затрагивает нас, наших друзей, наших сограждан, а также те трудности, которые касались всех нас как Движения.

Что стало ясно в столкновении с этими проблемами? В День начала года мы предложили проделать определенную работу, чтобы встретиться с этими трудностями лицом к лицу. «Все, что допускает Бог в жизни тех, кого призывает, служит лишь одной цели: их зрелости, взрослению, созреванию тех, кого Он призвал»¹¹. Таким образом тест, предлагаемый нам отцом Джуссани для проверки, становимся ли мы более зрелыми в вере, – это способность каждого из нас превратить то, что кажется возражением, гонением или просто трудностью, в инструмент или момент взросления. Именно это показывает истинность нашей веры.

Как мы ответили на эту рабочую гипотезу? Воспользовались ли мы этим предложением? Попробовали ли мы его проверить? Что произошло, каким бы ни был ответ каждого из нас на сделанное предложение? Что произошло с теми, кто им воспользовался? Что произошло с теми, кто им не воспользовался? Какой опыт мы приобрели? Чему научились?

В последнее время мы часто повторяли: «Вера, которая не могла быть обнаружена и обретена в опыте настоящего, подтверждена этим опытом, и не могла быть полезной в ответах на эти потребности, эта вера не способна противостоять в мире, где все, *все*, противоречит ей»¹². Итак, прожив этот год, зададим себе вопрос, стали ли мы воодушевленнее от того, что верим, и от пройденного пути или мы еще больше обескуражены, еще больше упали духом, еще больше подавлены? Ответив на все брошенные нам вызовы, мы стали увереннее или неувереннее? Состоятельнее или наоборот? Обстоятельства заставили нас проделать определенную работу. После всего пройденного пути можем ли мы сказать, как никогда осознанно: «Кто отлучит нас от любви Христовой?». Святой Павел не избегал всех тех трудностей, что выпали на его долю, и они при-

¹⁰ L. Giussani, «La lunga marcia della maturità». Appunti da una conversazione alla «Scuola quadri» di CL. Milano, 27 febbraio 1972, in *Tracce-Litterae communionis*, marzo 2008, pp. 58 e 60

¹¹ *Ibidem*, p. 57

¹² Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, Христианская Россия, Москва 2007, с. 24-25

вели его к уверенности: «Кто отлучит нас от любви Христовой: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»¹³. Это прекрасные слова, с которыми мы согласны, или это уверенность, являющаяся плодом прожитого опыта? Потому что все мы прекрасно знаем разницу между повторением слов и выражением полученного опыта, совершенно воплощенного и подтвержденного жизнью.

Некоторые могут ответить так: «Дорогой отец Каррон, я прочитала заключение с Собрания ответственных Италии, которое состоялось в Паченго. На вопрос: «Больше ли я уверовал во Христа после событий, без конца провоцировавших нас в последнее время?» ответу: «Да». Я могу показаться самонадеянной, но это не так. Потому что меня творит Христос».

Или другое письмо: «Я чувствую желание рассказать тебе о всей моей благодарности и признательности за последние слова, которые ты сказал и написал. Я ссылаюсь на твое заключение после Собрания ответственных Италии и на твои письма в газеты с суждением о затронувших нас в последнее время событиях. И в то же время хочу сообщить тебе, как в моей повседневности следование становится основополагающим фактором личного возрастания в вере, порождающим уверенность в столкновении с повседневными трудностями. Со мной происходит что-то удивительно новое и в то же время уже бывшее со мной. Это возрождение новизны, которую в мою ментальность привносит христианский опыт. Это путь долгий, но неотвратимый, и я не хочу ему сопротивляться».

Или еще вот так: «Дорогой Хулиан, не могу удержать в себе то, что хочу рассказать тебе. С недавних пор я очень взволнована, даже ночью прихожу в волнение! Меня удивляет, что в свои 48 лет я способна так себя чувствовать из-за того, что через несколько дней поеду на Упражнения. Даже мой муж это заметил и вчера вечером сказал: «Самое лучшее для меня в этих Упражнениях – это твое волнение, твое ожидание. Кто может быть столь же взволнован, как ты!». [И не думайте, что в ее жизни ничего не произошло...] В эти годы, после смерти моего отца, желание не потерять его было единственным двигателем моей жизни. Оно заставило меня задуматься над основным вопросом: или впасть в депрессию,

¹³ Рим 8,35-39

идя на поводу у обстоятельств, или вновь оттолкнуться от единственного истинного события, произошедшего в моей жизни. Твоя дружба, благодаря возможности участвовать в Школе общины посредством спутниковой связи, заново поставила меня перед этим вызовом! Со временем я почувствовала, что все вокруг меня становится светлее, словно разорвалась завеса. В то время как я начинала видеть все яснее, все мои реальные обстоятельства ухудшались, рушилась, рассыпалась всякая точка опоры (работа моего мужа, постоянно ухудшающееся экономическое положение, четверо учащихся детей, старшая дочь – в университете) с сопутствующими этим обстоятельствам рисками. А самое необыкновенное для меня в данной ситуации – то, что я чувствую себя счастливее, чем раньше. И эту радость почти невозможно выразить. Тогда я замечаю, что то, что удивляет меня, начинает удивлять и других людей, которые говорят мне: «Ты изменилась!» или: «Ты так воодушевлена обстоятельствами, что мне хотелось бы поговорить с тобою о своем опыте!». Но больше всего меня поразило в последнее время, после отречения Папы Бенедикта и избрания Папы Франциска, то, что я говорю с людьми о Христе более открыто и просто, словно это самый очевидный знак того, что произошло. И один человек сказал мне: «Знаешь, сейчас, когда ты говоришь мне об этом, я тоже это замечаю!». Люди слушают меня, удивляясь такому, более соответствующему описанию фактов. А потом кто-то выразил свое опасение, что мы можем потерять Папу Франциска, словно о потере чего-то прекрасного! И я ответила, в первую очередь себе, словами из «Мигеля Маньяры», которые недавно послушала в исполнении отца Джуссани (на CD) и которые меня поразили: «Почему ты боишься потерять то, что сумело найти тебя?». Все, что произошло, было задумано не нами! Это поразило меня, а также и других! P.S. Спасибо за свидетельство, которым ты являешься для моей жизни».

Что может устоять, когда мы лишаемся какого-то бы ни было ощущения безопасности? Кто мы? Кому принадлежим? Что остается, когда большая часть наших планов рушится? Что остается, когда мы лишаемся своих притязаний? Остается то, что с нами произошло, потому что этого никто не может у нас отобрать, даже мы сами со своими разочарованиями, злобой и возмущением. Остается случившийся факт.

Но этого недостаточно. Каждый должен принять решение, а еще лучше, решает и уже решил. Альтернатива очевидна: признать Факт, который остается в любом случае, потому что ничто не сможет отнять его у нас; или же не признать Факт, позволяя победить нашим мерам, обидам и скептицизму. В своем ответе каждый сможет открыть для себя то, что ему дороже всего, к чему он на самом деле привязан, что преобла-

дает в его жизни. И нашим ответом мы заявим всем (и в первую очередь себе самим), что для нас дороже всего. Это не вопрос морали, это вопрос суждения, ценностей и почитания.

Именно здесь мы сможем понять важность первоначального вопроса: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»¹⁴.

Может быть, иная формулировка лучше поможет нам не считать сам собой разумеющимся вопрос: верим ли мы еще в то, что Христос может наполнить нашу жизнь? Мы на самом деле, как спрашивает нас отец Джуссани, всего ожидаем от Христа? Или говорим себе, что мы уже не так наивны, как в начале, и помещаем Христа среди прочего, и Он остается лишь вдохновением для наших планов? Верим ли мы, что Христос – это подходящий ответ на наши вопросы сегодня, в наших сегодняшних обстоятельствах, в нашем возрасте? Вера во Христа затрагивает жизнь или касается только списка абстрактных утверждений или инициатив? Ибо действительны слова отца Джуссани: «Сегодня можно принадлежать Движению таким образом, что это не вовлекает подлинную веру и не подвергает суждению жизнь каждого человека и всей общины, без обращения»¹⁵.

Мне кажется, слова из Откровения, которые в первую очередь обращены ко мне и которые я поэтому предлагаю и вам, друзья, касаются всех: «Ты много переносил и имеешь терпение [именно поэтому мы здесь] и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою»¹⁶.

Где наша первая любовь?

Мы не можем «провести» встречу такого масштаба без вклада и жертвы со стороны каждого из нас. Это касается внимательного отношения к объявлениям, молчанию и данным нам указаниям. Все это – способы, какими мы можем просить Христа, чтобы Он смиростивился над нашим ничто и дал нам обращение, делающее нас самими собой. Мы все знаем, сколь сильно нуждаемся в этом молчании, помогающем проникнуть до каждой клетки каждому сказанному нам слову, чтобы это молчание превратилось в крик, в просьбу ко Христу помиловать нас.

¹⁴ Лк 18,8

¹⁵ «Il vero problema di CL è la verità della sua esperienza», op. cit., p. 8

¹⁶ Откр 2,3-4

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Святой Мессы: Деян 9,1-20; Пс 116 (117); Ин 6,52-59

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день»¹⁷. Через несколько мгновений это обещание, это суждение Христа станет физической реальностью. Присутствие Воскресшего пронизывает двадцать один век и отделяющие нас от этих слов пространства: Капернаум, Дамаск, Римини. Никакой человеческий ум, даже самый гениальный, не может представить себе такую близость, такую нежность, такую страсть к жизни отдельного человека: «Моя плоть – это твоя пища, Моя кровь – это твое питие для жизни», для самой что ни на есть жизни, чтобы ты жил Мною, со Мною, для Меня. Когда Иисус произнес эти слова, ушли все, кроме Двенадцати.

Момент, который отец Джуссани описывает как начало веры, – когда Петр со своим порывистым и великодушным характером говорит: «Мы не понимаем, как это может произойти, но куда мы пойдём от Тебя?». Христос захватил этих простых людей, вошел в источник их бытия не насильно, но как нежность, постоянно проявляя инициативу по отношению к ним, чтобы их сердце наполнилось Им, было наполнено Его присутствием. Он захватил Петра, грубого рыбака; он захватил Павла, утонченного интеллектуала, фарисея, гонителя христиан, преобразив их в людей, глубоко влюбленных во Христа. Если Он захватил Петра, если Он захватил Павла, а затем длинную череду людей вплоть до отца Джуссани, почему Он не может захватить меня и тебя сейчас, в этом жесте, исполненном нежности, страсти к жизни каждого из нас? Зачем этому противостоять? Что ты можешь противопоставить? Есть ли что-то проще, чем позволить Его жизни, делающей нас едиными в Нем, войти в мою жизнь?

¹⁷ Ин 7,53-54

Суббота утро, 20 апреля

При входе и выходе:

Франц Шуберт, Трио с фортепиано № 2 ми бимоль мажор, ор. 100 D 929
Эжен Истомин, фортепьяно – Исаак Стерн, скрипка – Леонард Роуз, скрипка
“Spirto Gentil” n. 14, Sony Classical

«Ангелус»

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Ангел Господень возвестил Марии»

Год веры должен помочь нам заново открыть для себя красоту и радость веры, которая начинается с вторжения Тайны в историю, о чем мы вспоминаем каждое утро: «Ангел Господень возвестил Марии». Это и есть начало. Поэтому в первой лекции мы рассмотрим христианское событие, это вторжение Тайны, чтобы уловить его истинную природу, а темой второй лекции станет ответ человека на это вторжение.

1. Христианство – это событие. «Был полон этого взгляда»

«Христианство – это событие»¹⁸ – уже хорошо знакомое нам выражение. Но мы все прекрасно знаем, что недостаточно иметь правильное определение, чтобы жить христианством согласно его природе. Что значит, что христианство – это событие? Каково содержание этого опыта? Природа христианства раскрывается как ответ на нужду в настоящем. Это значит, что оно будет интересным для нас сегодня, только если отвечает на нужду, характеризующую человека, которым мы являемся, если оно отвечает на эту «бесконечную тяжесть жизни, которая “сбивает нас с ног”»¹⁹.

«Дорогой отец Хулиан, сейчас я перехожу от «героического» периода серьезной войны (болезни) к повседневной битве, к пониманию того, что мы должны все ставить на кон и ставим ежеминутно. Каждый день

¹⁸ Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, Христианская Россия, Москва 2010

¹⁹ С. Pavese, *Dialoghi con Leucò*, op. cit. p. 166

(когда тошнота, физическая слабость, перепады настроения, вызываемые обезболивающими лекарствами, слабеющая память) заставляет меня понять, что я нуждаюсь в присутствии, присутствующем сейчас, в каждый миг, способном одолеть любое преуменьшение, навязываемое привычкой». Как и этот наш друг, мы тоже нуждаемся в событии сейчас, так как спасение нашего «я» и истории – это событие, а не какая-то мысль. И кто это понимает? Больные, раненые люди, грешники, нуждающиеся, то есть люди, осознающие собственное человеческое положение, те, кто не попирают свою человечность с ее потребностями в полноте и свершении.

Евангелия постоянно об этом свидетельствуют, и поражает то, что Иисуса искали именно нуждающиеся. Их прототипом служат мытари. Удивительно читать в Евангелии, и мы почти не отдаем себе в этом отчета, поскольку это происходит практически незаметно: «Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря [и таким образом объясняя причины, по которым другие приходили к Иисусу]: Он принимает грешников и ест с ними»²⁰. Эти слова лишь обобщают то, что, должно быть, происходило неоднократно. «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним. И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его», вновь вызывая гнев и удивление фарисеев. «Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачае, но больные»²¹.

Как получилось, что именно те, кто казались самыми далекими и наименее заинтересованными в Нем, больше всех Его искали? Что они видели в Нем такого, чего не находили в других? Только с Ним они могли смотреть на самих себя. Это яркий пример того, что другой – это благо. Присутствие Иисуса воспринималось как драгоценное благо, и пребывание с Ним представляло для них благо, и для Иисуса они также были благом, настолько, что Он оставался разделить с ними трапезу. Какое это огромное утешение для всех нас (если мы облечемся в простоту этих рассказов) – быть достигнутыми таким Присутствием (какими бы ни были наша ситуация, переживаемые трудности, стоящий перед нами вызов)! Кто может почувствовать себя исключенным из этого? «Что он должен был испытывать, когда другой, совершенно незнакомый ему человек, так глядел на него и касался самой глубины его сердца?»²²

²⁰ Лк 15,1-2

²¹ Мф 9,9-12

²² Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

Суметь предстать перед Ним, ничего не забывая или не скрывая о самом себе. Не потому что Иисус делал вид, что не знает всех их ошибок или оправдывает их. Это не принесло бы им мира. Среди тех, с кем они обычно общались, было предостаточно людей, оправдывающих их ошибки. Тогда почему же они Его искали? Именно потому, что с Ним они не должны были ничего скрывать, ведь от Его взгляда ничто не могло укрыться. Другие же считали Его наивным, неспособным понять, как на самом деле обстоят дела. «Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница»²³. И тут, показывая этому фарисею, что Он не так наивен и прекрасно знает эту женщину, Иисус рассказывает притчу о двух должниках: «Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит»²⁴.

Те, кто приближались к Нему, как, например, самарянка, хорошо знали, что от этого Пророка ничто не скрыто: «Он сказал мне все, что я сделала»²⁵. Он видел даже ее жажду счастья. Поэтому никакая ошибка, болезнь, боль, никакая ситуация, никакая драма, никакие обстоятельства не могли помешать чему-то абсолютно непредвиденному, как свидетельствует столь знакомый нам рассказ о Закхее, начальнике мытарей Иерихона.

Обратим внимание, как отец Джуссани призывает нас смотреть, чтобы суметь понять. Сколько мы теряем из-за того, что у нас никогда

²³ Лк 7,36-39

²⁴ Лк 7,41-47

²⁵ Ср. Ин 4,39

нет времени смотреть так, как учит отец Джуссани! Сколько мы приобрели бы для нашей жизни, для нашего взгляда на самих себя, если бы вели себя, как отец Джуссани, стараясь отождествиться со Христом, чтобы наша жизнь была исполнена этого взгляда, взгляда, которым Христос смотрит на Закхея!

Вот как отец Джуссани рассказывает историю про Закхея: «Он был начальником налоговой полиции, главой мафии Иерихона и его предметий, главой сборщиков податей, тех, кого все считали врагами народа и публичными грешниками, которых нужно было сторониться, чтобы не осквернить себя одним с ними воздухом, он продался римлянам. Он услышал, что в их краях находится Иисус, все в этих местах говорили о Нем. Он прошел мимо толпы и забрался на смоковницу, это не очень высокое дерево, чтобы увидеть Его, когда Он будет проходить мимо, из любопытства, чтобы иметь возможность посмотреть Ему в глаза, так как был мал ростом. Толпа приближается, Иисус, разговаривая с людьми, проходит прямо под смоковницей, останавливается, поднимает голову и произносит: «Закхей, сойди скорее, Я иду в твой дом». А Закхей: «Спускаюсь!». Представим себе этого человека, который без слов соскальзывает с дерева и бежит домой. Подумайте об этом наполненном молчании, когда в сердце и в ушах звучит услышанное слово, его имя: наконец кто-то произнес его имя! Мы можем хорошо представить себе, как затем этот оклик звучал во всем, что он делал, даже когда он молчал, даже когда работал в тишине. Для Закхея эта встреча стало чудом, иными словами, тем, что радикально преобразило его жизнь. Закхей не побоялся что-то потерять; когда услышал: «Закхей, Я иду в твой дом» – он потерял все, что было перед его глазами, он был исполнен этого имени.

Ясно, к чему призывает нас отец Джуссани: «Мы должны отождествиться с людьми, о которых говорит Евангелие. Но мы не понимаем их и не отождествляемся с тем, чем они являлись, если не отождествляемся со Христом, который говорит: «Закхей». Когда вырывается слово «Закхей», вот тогда мы понимаем Закхея. Мы понимаем, кем был Закхей, именно тогда, когда Христос говорит: «Закхей, сойди, Я иду в твой дом». Подумайте, что почувствовал Закхей, как он вдруг оценил все свои ошибки, даже не оценивая их, как почувствовал, кем был он и кем был Тот, Кто его звал. Именно отождествляя себя с Иисусом, мы можем увидеть, кем был Закхей»²⁶. В другом месте отец Джуссани замечает: «Эта близость, это присутствие – не того, кто смотрит с другой сторо-

²⁶ Собрания с группой молодых людей, начавших путь призвания в Церковной ассоциации «Memores Domini», 26 июня 1993 г., *pro manuscripto*

ны, но присутствие того, кто смотрит на тебя – эта близость потрясает, и поэтому жизнь преобразается. Идя домой, Закхей не говорил: «Сейчас Он мне скажет, что я украл сотню здесь, три сотни там, сейчас...». Он был полон этого взгляда и пошел домой приготовить обед для этого Человека, для Того, Кто так посмотрел на него. И затем, как следствие этого взгляда на него, он решает: «Вот, я отдам все, что взял». Но это следствие длится всю жизнь, так как это происходит не автоматически. Каждый из нас знает этот порыв, с которым он отдает себя, и знает также, что затем отступает, и это борьба всей жизни. Но то, что отныне преобразует жизнь, стало фактом. Матфей был преобразен, женщина преобразилась, та горстка женщин преобразилась. Попробуйте представить себе, что сказали мужа и дети этих женщин: «Вы сошли с ума?». Они стали чем-то иным, Закхей стал иным, их жизнь преобразилась. Они хорошо понимали, что больше любили своих мужей и детей, и Закхей понимал, что он стал богаче, чем раньше, он преобразен, потому что был рядом с тем Человеком.

Рассказ о Закхее противоположен истории о богатом юноше, которому Христос говорит: «Следуй за Мной», то есть «Я хочу быть рядом с тобой». И Евангелие говорит: «Он отошел с печалью». Богатый юноша опечален. Или преобразенные, или печальные, поскольку невозможно оставаться тем же, после того как тебя позвал Иисус, когда Христос дал призвание, когда Христос приблизился к нашей жизни, когда попросил у нашей жизни быть Его свидетельством. Или мы становимся еще печальнее, даже когда кажется, что обретаем дыхание, потому что можем и впредь поступать так, как нам удобно, становимся по-человечески мучительно жалкими, либо преобразуемся»²⁷.

То, что христианство – это событие, в опыте значит, что преобладает присутствие, и не какое-либо, а Присутствие, способное ответить на жизненную нужду. «Чтобы Его узнали, Бог вошел в жизнь человека как человек, под видом человека, так что мысль, воображение и чувство человека были Им как бы «окованы», намагничены»²⁸. Почему они были словно магнитом притянуты Им, Его присутствием? Потому что только Оно было способно ответить на нужду жизни, на потребность в совершении. Христианство как событие – это преобладание Присутствия, без которого жизнь стала бы мрачной, грустной, лишенной настоящего интереса. Без этого Присутствия невозможно жить. Вот в чем настоящая причина поиска этого Присутствия. Прежде всего, не для того чтобы стать «хоро-

²⁷ Записи с лекции Упражнений новичиев “*Memores Domini*”, август 1982 г.

²⁸ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

шими», но чтобы жить, чтобы быть в состоянии предстоять перед самими собой, чтобы суметь любить себя.

«Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь»²⁹. Что это за «милость», которая лучше, чем жизнь? Для нас эта милость имеет имя, это Иисус. Вся Его личность – это милость, это благодать.

Почему это Присутствие может столь мощно преобладать над всеми проблемами жизни, в которых мы часто увязаем? Каким образом Оно столь просто и внушительно являет себя, что мы ничего не можем сделать, чтобы избежать его? Как так получается, что даже наше зло, наша непоследовательность (последовательностью мытари точно не отличались!) не могут помешать ему внушительно пребывать в нашей жизни? Благодаря соответствию, которое это Присутствие находит, реализует в сердце человека. Он может быть невнимательным, сведенным к чему угодно, но ничто не может помешать хотя бы на миг внушительному появлению этого Присутствия. Первое мгновение не во власти человека. Никто не может помешать присутствию поразить нас, в какой бы ситуации ни находился человек. Никто не может контролировать реальность до такой степени, чтобы помешать удивлению перед событием. Оно настолько неожиданно, что обезоруживает нас хотя бы на мгновение.

Но тогда при чем здесь нужда? Почему Иисус говорит, что Он пришел для больных? Потому что только те, кто ранен, обычно в конечном счете открыты перед непредвиденным. Без нужды, без раны человек сразу же исключает любую возможность для этого непредвиденного, стремится расставить все по своим местам. Нужда является необходимым условием не для явления события, а для его признания. Событие вторгается, происходит, несводимое ни к чему, здесь и сейчас, оно не является следствием предшествующих фактов. Нужда позволяет увидеть событие, обнаружить его. Как сказал Папа Франциск на встрече с кардиналами: «Христианская истина привлекательна и убедительна, потому что отвечает на глубинную потребность человеческого существования, убедительно возвещая, что Христос – единственный Спаситель всего человека и всех людей. Это возвещение остается и сегодня действенным, каким оно было в начале христианства, когда происходило первое великое миссионерское возвещение Благой вести»³⁰.

Тот, кто позволяет этому Присутствию себя поразить, не может не воспринимать Его как благо, которое необходимо беречь, чтобы не потерять. Оно столь соответствует нашему ожиданию, что ничто иное неспо-

²⁹ Пс 62,4

³⁰ Папа Франциск, *Аудиенция кардиналам*, 15 марта 2013 г.

собно принести такое всепоглощающее удовлетворение. Поэтому с Ним каждый человек, даже самый жалкий, испытывает столь великое удовлетворение, что становится свободным. Это соответствие больше любой формулы, в которую мы хотим уложить наш опыт, утверждает ценность такого Присутствия, Его исключительность, Его божественность.

Если в нас преобладает присутствие этого взгляда, если он наполняет жизнь, это видно из того, как мы вступаем в отношение со всем окружающим. «Его отношение с Богом, – отец Джуссани говорит о расслабленном, исцеленным Иисусом, – то, как он молился в тот вечер, как потом каждый день ходил в храм, чувство жизни, которое было у него, когда он смотрел на заходящее или восходящее солнце, и когда потом каждое утро шел работать с душой, исполненной благодарности, с душой, исполненной таинственного страха, страха и трепета по отношению к этой тайне Бога, которая достигла его в том Человеке, что его исцелил; в целом, чувство по отношению к Иисусу, то, как он говорил, что Иисус – Мессия (а он говорил это и другим, потому что последовал за Ним и стал Его учеником), то, как он вместе с другими ходил в селения благовествовать, что среди них – Царство Божие (потому что среди них был Иисус), то, как он делал свои дела, то, как он думал о своем прошлом (о всем том разложении, в которое он погрузился: низости, упадке духа, богохульствах), то, как он относился к родным, как теперь он относился к ним, – все это исходило из определенного сознания себя самого, ощущения своей личности, чей лик был слеплен, рожден воспоминанием о том, как Иисус захватил его, как Иисус настиг его, как Иисус отнесся к нему, как он узнал Иисуса»³¹.

Это настолько ни к чему не сводимое Присутствие порождает такую великую новизну, что позволяет смотреть на все в ином свете, менее смутном, более истинном. Этот опыт новизны в отношении со всем вводит нас в истинное познание Христа. Позволяет уловить Его ценность для жизни. Он позволяет признать Иисуса не как абстрактное определение, но как опыт. Именно здесь человек может понять ценность этого присутствия. Открывающего Его человека можно узнать по тому осознанному почитанию, которое в нем возникает.

Никто не сумел выразить это так, как святой Павел: «...хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою

³¹ L. Giussani, *Dal temperamento un metodo*, Bur, Milano 2002, p. 2

ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа»³².

Иисус прекрасно осознавал, что Он несет в мир: «Еще подобно Царству Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то»³³. Какова ценность этого столь великого Присутствия, что если мы предпочитаем Его чему бы то ни было, то совершаем крупную сделку?

Об этом свидетельствовали ученики. Привлекательность этого Присутствия была столь велика, что они все оставили, чтобы следовать за Ним. Почему? Потому что Его присутствие столь сильно окружало их жизнь, столь глубоко отвечало на их жажду смысла, любви, что Его одного хватало. Удовлетворение, которое Он давал, было таким внушительным, что следовать за Ним, искать Его было единственной возможностью не потерять это удовлетворение. Нравственность происходила из того же источника, что и удивление: из Его Присутствия. Нравственность на самом деле происходит из Присутствия, а не из волюнтаристских усилий. Морализм имеет иное происхождение, нежели следование (которое всегда представляет собой удивление перед присутствием).

Именно это Присутствие встретили мытари. Понятно, почему они постоянно искали Его, следовали за Ним: не из-за морализма, а из-за глубокой симпатии, пробуждаемой в них Его присутствием. Они были привлечены Им, хотели быть с Ним. Как фарисей Павел и рыбак Петр. «Эта встреча неизменно ориентирует нашу жизнь, придает смысл и целостность нашему существованию. Вне ее в жизни нет источника сознания нового. В ней событие присутствующей Тайны прикасается к нашей жизни и делает ее частицей вечного потока обновления»³⁴.

Становится ясно, что те, кто встречают Его, как Достоевский, не могут больше оставить Его в стороне: «Не знаю, как у других, и я так чувствую, что не могу как всякий. Всякий думает и потом сейчас о другом думает. Я не могу о другом, я всю жизнь об одном»³⁵. Это слова того же содержания, что и знакомая нам всем фраза Мелера: «Я думаю, что не смог бы жить, если бы больше не слышал, как Он говорит»³⁶.

То, каким образом отец Джуссани научил нас смотреть на Иоанна и Андрея, навсегда останется в нас критерием для проверки, происходит

³² Флп 3,4-8

³³ Мф 13,44

³⁴ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

³⁵ Ср. Достоевский. *Бесы*

³⁶ Ср. Möhler, *Lumina nella Chiesa, cioè il principio del cattolicesimo nello spirito dei Padri della Chiesa dei primi tre secoli*, Città Nuova Editrice, Roma 1969, p. 71

ли христианство сейчас, преобладает ли присутствие, или оно уже сведено к категории, некоему абстрактному понятию. Иначе мы говорим, что христианство – это событие, но это лишь определение, а не то, что происходит сейчас.

«Христианство – это «событие»: нечто такое, чего раньше не было и что в какой-то момент появилось. Андрей и Иоанн не сказали: «То, что произошло, – это событие». Очевидно, им не было необходимости давать определение тому, что с ними происходило: это именно происходило! Христианство – это событие. Нет другого слова, чтобы описать его природу: это не «закон», не «идеология», «концепция» или «проект». Христианство – не религиозное учение, не свод моральных законов, не совокупность обрядов. Христианство есть факт, событие. Все остальное вытекает из этого»³⁷.

Ученики могли Его признавать, глядя на Него, когда Он говорил, в том, как Он смотрел на них, в том, как они ощущали, что Он захватил самую их глубину. Они поняли, что Его присутствие преодолело все, поскольку сами сразу же были завоеваны, захвачены, поскольку признали этого Человека в Его уникальности, неповторимости, божественности, и осознать это было легко. Когда в нас преобладает внимание к последствиям, это значит, что мы уже отошли от этого факта!

«Бог стал событием нашей повседневной жизни, чтобы наше «я» ясно познало себя в своих изначальных чертах и достигло своей судьбы, спаслось. Так было с Марией и Иосифом. Так было с Иоанном и Андреем, которые пошли за Иисусом по знаку Иоанна Крестителя. Бог вошел в их жизнь как событие. Всегда ли они об этом помнили или частично забывали, особенно в первые дни и месяцы, но вся их жизнь зависела от этого события. В меру важности события от него нельзя оторваться, вернуться назад. Так было с ними. Так бывает с нами сегодня: событие может означать начало и путь. Событие может означать *метод* жизни. Во всяком случае, это опыт, через который нужно пройти. Такой путь требует от человека, потрясенного событием, многих усилий, пока он не поймет истинный смысл того, о чем начал догадываться: это путь взгляда»³⁸.

«Познать на опыте, – говорит Николай Кавасила, – [...] значит достичь глубины самой вещи, поэтому здесь форма запечатлевается в душе и вызывает желание, как след, соответствующий своей красоте»³⁹. Запечатленная в душе красота этого Присутствия вызывает желание. Поэтому она влечет за собой некое начало, некий путь.

³⁷ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

³⁸ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

³⁹ N. Cabasilas, *La vita in Cristo*, Città Nuova, Verona 2005, p. 142

Событие действительно необратимо, но также верно, что мы можем или поддерживать это событие, или нет. От следования за любопытством, от вовлечения в него зависит, означает ли это событие начало и путь, или все прекращается.

И здесь на самом деле начинается драма, так как происходящее перед нашими глазами часто есть не что иное, как событие присутствующего Христа. Это видно в той инаковости, с которой мы проживаем обычные дела, о чем нередко рассказываем друг другу. Например, как мы празднуем свадьбу или хороним друзей. Это настолько отличается, что, глядя на нас, люди удивляются этой инаковости. «Если они так хоронят, то умирать почти прекрасно», – сказал один человек на похоронах нашего друга. Но если мы неподвижны, если блокируем желание, вызываемое этой инаковостью, то становимся рабами результата, так, что первая же неприятная неожиданность вызывает у нас гнев. Поэтому Джуссани с бесконечной любовью так стремится показать нам, что если мы останавливаемся на сентиментальном отклике и не содействуем мощной привлекательности красоты перед нашими глазами, то этого не хватает, чтобы жить.

Меня всегда поражала одна история, поскольку она показывает так часто блокирующую нас проблему. Однажды в одном из домов “*Memores Domini*”, после прекрасного исполнения одной красивой песни в завидной и неповторимой сердечной обстановке, Джуссани вдруг сказал: «Эта песня прекрасна и с точки зрения музыки, и с точки зрения исполнения и человеческого чувства дружбы, братства и компании по приключению. И все же, если бы вещи могли быть перечислены так, как перечислил их я сейчас, и на этом все [все прекрасно, но на этом все, мы останавливаемся], а что-то другое воспринималось бы как само собой разумеющееся (принималось и признавалось, но как что-то само собой разумеющееся), и в выразительности диалога не было произнесено Его имя, из желания услышать Его, если бы у Него не было собственной личности, в высшей степени уникального лица, с неповторимыми чертами, которые нельзя спутать даже с теми, что Он сам создал как знак Себя»⁴⁰, всего этого было бы недостаточно: недостаточно для нашего желания счастья, нашей жажды судьбы, как не было бы достаточно самой прекрасной работы или преуспевания в жизни. Этого было бы недостаточно!

И поэтому он настаивает: «Будем внимательны: среди нас Иисус может быть источником целого мира человечности, исполненного тихой радости и дружбы, безукоризненных с формальной точки зрения основа-

⁴⁰ L. Giussani, *L'attrattiva Gesù*, Bur, Milano 1999, p. 148

ний, формальной, но и конкретной с материальной точки зрения помощи [...], однако Иисус [это Присутствие] может быть сведен к “портрету красавицы, высеченному на ее надгробии”⁴¹. Если вам не хочется плакать при мысли о том, что Иисус может быть сведен к портрету красавицы, высеченному на ее надгробии...

Христа «нельзя истратить или смыть прекрасным и радостным появлением компании друзей, которая должна быть Его видимым знамением!». Этого умаления можно избежать, только «когда мы говорим Ему «Ты» по-настоящему, с полным осознанием нашего «я»: чем глубже наше самосознание, тем мощнее, величественнее, подлиннее, проще и чище наша преданность Ему [...]. Присутствие Христа в мире – это чудо нашей компании. Но это возвышающаяся вершина знака, который «углубляется там, где он более истинен», или, лучше – это вершина знака, который во всем остальном терпит крушение в общепринятом восприятии вещей, во всем остальном он разбивается о всеобщую естественность. Поэтому чем насыщеннее мы любим любовью предпочтения (иными словами, там, где благо – говорить «я» с порывом, незнакомым другим людям, или говорить «ты» с порывом, незнакомым другим), речь не о том, чтобы смягчить нашу дружбу, затуманить убедительность, исполненную глаз, губ, лиц, слов, пения, сердца такой прекрасной компании, как эта, а речь об отчаянном стремлении – всего, что я назвал и что образует нашу компанию – кричать Твое имя, о Христе: “Благодарим Тебя, что Ты явился нам и сидел здесь рядом с нами”⁴².

И если нет этого отчаянного стремления кричать Твое имя, Христе, ничего не будет достаточно.

Поэтому вопрос полного вовлечения в реальность (о котором мы недавно говорили) – это вопрос оценки, как говорил наш друг на одном собрании: «Человек не вовлекается полностью в реальность, так как в конечном счете не дорожит тем, что встретил. На самом деле человек дорожит тем, что имеет для него абсолютную, в сравнении со всем остальным, ценность. Словно ценность Иисуса в наших глазах является чем-то среди прочего, а не единственной ценностью: в конечном счете я не ценю, не почитаю Тебя в полной мере, о Христе, поэтому мое вовлечение в реальность частично. Я вижу это в себе и в других людях: если Христос обладает для тебя абсолютной ценностью, то ты смело встречаешься с реальностью, ты ищешь смысл. Иисус – это все».

Тогда наша надежда состоит в том, чтобы это Событие продолжало происходить и привлекало бы нас столь сильно, что пробуждало бы в нас

⁴¹ Там же, pp. 150-151

⁴² Там же, pp. 152-153

желание все больше вовлекаться в него, так, что мы могли бы уловить его в момент наступления. Напротив, если мы не ощущаем Его присутствия, центр привязанности неизбежно смещается, даже если мы не осознаем этого. Из Его присутствия может изливаться море человечности, и при этом Христос не преобладает. Здесь в игру вступает вера.

Как мы осознаем, что Христос не преобладает? Сам опыт предлагает нам все необходимые «признаки»: нас не удовлетворяет наличие работы или замечательной компании. И все же мы не понимаем, как происходит это умаление из-за, как говорит Папа Бенедикт XVI, «странного помрачения мысли»⁴³.

Если метод познания – это Событие, если мы осознаем самих себя только через присутствующее Событие, тогда только тот, в ком природа События не омрачена, может помочь нам осознать собственное смятение, наше умаление. Это дар отца Джуссани нам. Он не только, как никто другой, описал христианство как событие, он свидетельствовал о нем. В нем это Событие происходило непрерывно, и это доказывается тем, что он мог видеть каждое наше умаление. В нем происходило Событие, потому что тот, кто видит пустыню, не принадлежит пустыне, и поэтому он не довольствовался ничем меньшим, чем Его Присутствие, как о том свидетельствует его отчаянное стремление произносить Его имя. А мы же по пути утратили это стремление!

2. «В начале было не так»

В понимании события мы обычно исходим из собственного опыта. Что-то происходит в определенное время в определенном месте, а затем мы переходим к чему-то другому. Происходящее может оставить в нас больший или меньший след, все зависит от масштаба события, но оно сразу же остается позади. Мы настолько уверены, что все именно так, что часто говорим: «Разумеется, невозможно оставаться в изначальном изумлении!». Мы даже выстраиваем по этому поводу теории.

Но Джуссани бросает вызов нашему пониманию, говоря, что такой способ мышления не применим в отношении к христианскому событию. «Христианство – это событие, это новая, пришедшая в мир реальность жизни, и поэтому тот факт, что она меня захватывает, – это новый опыт,

⁴³ Бенедикт XVI, *Luce del mondo. Il Papa, la Chiesa e i segni dei tempi. Una conversazione con Peter Seewald*, LEV, Città del Vaticano 2010, p. 47.

но не только в начале, а всегда новый»⁴⁴. Христианство – это не то, что остается от события, это «всегда» событие, иначе оно свидетельствовало бы о своей недостоверности. Ведь если что-либо каким-то образом присутствует, то этого не существует. Или что-то происходит сейчас, или этого нет, не существует. Теперь мы можем лучше понять, что значит, что христианство – это событие.

Отец Джуссани говорит: «Столкновение с присутствием иной человечности предшествует не только в начале, но и всегда, в любой момент, который следует за этим началом: через год или через двадцать лет. Изначальному событию, столкновению с человеческой инаковостью и рождающемуся из этого изумлению, предназначено быть изначально и порождающим явлением в каждый момент развития. Потому что нет никакого развития, если не повторяется это изначальное столкновение, то есть если событие не остается современным. Либо оно обновляется, либо ничего не происходит, и мы сразу создаем теорию о произошедшем событии и идем на ощупь в поисках точек опоры, заменяющих То, что на самом деле лежит в основе инаковости. Порождающий фактор, неизменно – это столкновение с иной человеческой реальностью. Если то, что произошло в начале, не происходит вновь и не обновляется, то нет подлинной непрерывности: если человек сейчас не переживает столкновение с новой человеческой реальностью, он не понимает, что произошло с ним тогда, раньше. Изначальное событие проясняется и углубляется, только если сейчас событие происходит вновь, и таким образом устанавливается непрерывность, происходит развитие»⁴⁵.

В своей гениальности отец Джуссани столь ясно осознает природу христианства, что в этом тексте он не только напоминает нам постоянные свойства христианства как события: современность и ни к чему не сводимая инаковость, но и дает подсказки, помогающие понять, когда христианство перестает проживаться как событие в настоящем. Это можно понять по двум признакам.

Первое: мы начинаем строить теории о произошедшем событии. Когда не остается очарования события, мы довольствуемся теорией, словами, абстрактными категориями. И постоянно это повторяем. Мы даже находим этому оправдание, как напоминает нам Достоевский: «Но до того человек пристрастен к системе и к отвлеченному выводу, что готов умышленно исказить правду, готов видом не видеть и слыхом не слышать,

⁴⁴ *Verso una vita di fede più matura*, a cura di Comunione e Liberazione, pro manuscripto, Milano 1976, p. 6

⁴⁵ Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», из выступления Луиджи Джуссани на Собрании ответственных, январь 1993 г.

только чтоб оправдать свою логику»⁴⁶. Действительно, если мы утрачиваем притягательность Присутствия, в нашем теоретизировании (сведении его к категории или речам) господствует то, что мы уже знаем, то, что сами установили, наша схема, наше мнение.

Но поскольку мы созданы для полноты, то оставленная несостоявшимся присутствием пустота должна быть заполнена. И поэтому – и это второй знак, говорит отец Джуссани – мы начинаем искать заменяющие опоры, которые свидетельствуют о смещении центра привязанности. Когда апостолы не понимают значения встреченного ими Присутствия, они начинают искать *выгоду*. «Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?»⁴⁷ Но разве Его присутствие – это не все? Даже Петр этого не осознает.

Либо преобладает стремление к *успеху*. «Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»⁴⁸. Этим семидесяти двум для радости жизни уже не хватает Его присутствия. Конечно, они должны оценить сделанное добро, но это добро не способно преодолеть бесконечную пропасть между совершенными ими чудесами и тем фактом, что они Его! Но они не понимают этого ни одной клеточкой мозга, точно так же, как и мы!

Либо мы стремимся заполнить эту пустоту *властью*. «Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано. И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна»⁴⁹.

Каковы наши заменяющие опоры? Они не очень отличаются от тех,

⁴⁶ Ф.М. Достоевский, *Записки из подполья*, Собрание сочинений в десяти томах, М: Художественная литература, 1957

⁴⁷ Мф 19,27

⁴⁸ Лк 10,17-20

⁴⁹ Мк 10,35-41

которые были у только что призванных апостолов. Давайте вместе рассмотрим, как описал их для нас отец Джуссани.

а) Христианство, сведенное к ценностям

«Во время недавней встречи в Милане я отметил, что за эти годы, почти пятнадцать лет, за годы нашего пути Движение словно [...] созидало, опираясь на ценности, принесенные нам Христом. Таким образом, все усилия нашей культурной, общественной, политической деятельности, конечно, имели целью мобилизовать себя и вещи согласно ценностям, явленным нам Христом. Но в начале Движения было не так. Как я отметил вчера, в самом начале Движения, в первые годы, мы строили не на ценностях, принесенных Христом, а на Христе. Назовите это наивностью, но темой сердца, убедительным мотивом был факт Христа, и поэтому факт Его Тела в мире, Церкви. В начале мы строили, стремились созидать на том, что происходило, а не на принесенных Им ценностях, и таким образом на нашей неизбежной интерпретации этих ценностей; мы стремились строить на том, что происходило, что нас захватило. Сколь бы чрезмерно наивной ни была наша позиция, это была чистая позиция. И поэтому, из-за того что мы ее покинули, остановившись на позиции, которая превратилась, я сказал бы, скорее в «культурную традицию», чем в энтузиазм от Присутствия, мы не знаем (в библейском смысле слова) Христа, не знаем тайны Бога, потому что она не близка нам»⁵⁰. Мы должны вернуть исконную чистоту.

Что требовалось отцу Джуссани, чтобы осознать такое сведение христианства к ценностям? Необходимо было, чтобы он жил христианством как тем, что с ним происходило.

Подумаем о том, как влюбленный человек легко замечает, когда у других отношение с мужем или женой перестало быть тем, что происходит, и перестало быть энтузиазмом, рождающимся от присутствия другого.

б) От внушительного присутствия к организации

«Движение родилось из присутствия, которое представляло перед человеком как несомненный факт и вносило в жизнь обещание, призывавшее к следованию. Однако потом мы препоручили продолжение этого начала правильным словам и мероприятиям, собраниям и делам. Мы не доверили это начало нашей жизни, так что оно очень быстро перестало быть истиной, даруемой нашему сердцу, и стало основой для организации,

⁵⁰ L. Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2002, pp. 100-101

реальности, на которую мы перекладываем ответственность за собственную работу и от которой ожидаем разрешения наших проблем»⁵¹. Мы не отрицаем Христа, Он просто стал «духовным призывом», потому что главенствует что-то иное: «Для многих из нас то, что Иисус Христос является спасением и что освобождение жизни человека, здесь и в ином мире, постоянно связано со встречами с Ним, стало «духовным» призывом. На деле все иначе: это профсоюзная работа, принятие определенных законов, это организация, рабочие группы и поэтому собрания, но не как выражение потребностей жизни, а скорее как умерщвление жизни, пошлина за принадлежность, за которыми мы еще по непонятной причине механически следуем»⁵².

Об этом очень ярко говорил тогда еще кардинал Бергольо: «Когда верующий осознает, что потерял прежний порыв и энтузиазм, он стремится обрести несвойственное ему поведение. [...] Потеря изначального горения приводит некоторых [...] к тому, чтобы укрыться в том, что мы могли бы назвать «второстепенными задачами» [...]. Побег выражается как побег к «второстепенным» добродетелям: некоторые посвящают себя социальной работе, другие, напротив, сосредотачиваются на обрядовой стороне. В обоих случаях этого недостаточно, чтобы ответить на настоящий вызов»⁵³.

в) От водоворота событий к правильным и стерильным словам

Когда христианство больше не происходит как событие Присутствия, захватывающего жизнь и заставляющего ее кипеть, тогда все заканчивается построением теории о произошедшем событии. «Мы передаем правильные и стерильные слова, некоторые правила о том, как быть христианами и людьми. Но без любви, без признания животворящей Тайны человек угасает и умирает. Наше надежда, спасение Христово не может быть тем, о чем мы прочитали и хорошо умеем повторять. К более или менее воодушевляющим или моралистическим речам – вот к чему часто сводится благовестие. Необходимо кипение... [...] Еще не передано превознесение человека, победа Христова, слава Христа в том, что происходит. Но это происходит, если есть такой опыт»⁵⁴.

Христос не является и не может быть чем-то, о чем мы прочитали, или речами, которые мы умеем повторять. Уже в 1962 году отец Джусса-

⁵¹ L. Giussani, *Il rischio educativo. Come creazione di personalità e di storia*, San Paolo, SEI, Torino 1995, p. 63

⁵² Там же, p. 63

⁵³ J.M. Bergoglio – Francesco, *Aprite la mente al vostro cuore*, Rizzoli, Milano 2013, pp. 154-155

⁵⁴ L. Giussani, *Un caffè in compagnia*, Rizzoli, Milano 2004, pp. 173-175

ни предупреждал ребят из «Студенческой молодежи» (в самый расцвет «Студенческой молодежи» в Милане) об этом сведении христианства к словам: «Исконный опыт, который заставил нас начать, словно окаменел, кристаллизовался [...]. В начале что-то действовало для вас, в вас, на вас; это порыв простоты перед этим даром, который привел вас к пути вместе с нами». Но потом возник формализм, то есть «застой новизны»⁵⁵. В нас возникли формализм и застой.

г) Событие становится фактом прошлого

Христианство настолько является событием, что, когда оно превращается в явление прошлого, его нельзя вновь заставить происходить иным способом, напоминает отец Джуссани, кроме как все через то же самое событие. Христианство – это событие до такой степени, что должно происходить снова. Если мы отделились от этого, если произошел разрыв (поэтому произошедшее с нами стало благочестивым воспоминанием), то, когда мы пытаемся своими силами заставить его происходить, у нас не получается: «Представим, что сегодня соберутся те, кто уже пережил опыт, о котором мы говорили, и, поскольку впечатляющие воспоминания о событии, которое их поразило, – которое пошло им на пользу и даже определило их жизнь – сохранились, они захотят вновь к нему вернуться, устранив образовавшийся с годами «разрыв». То, из-за чего они до сих пор считают себя друзьями, – это прошедший опыт, совершившийся факт, который в настоящем стал, однако, как мы сказали, «благочестивым воспоминанием». Как возможно восстановить непрерывную связь с изначальным событием, захватившим их? Если бы они, к примеру, сказали: «Давайте соберемся, чтобы вместе изучать катехизис, или воплотим новую политическую инициативу, или поддержим благотворительную деятельность, или начнем дело и т.д.», то ни одного из этих ответов не было бы достаточно, чтобы восстановить непрерывность. Нужно «то, что всему предшествует», и все вышеперечисленное является лишь орудием для его развития. Нужно, чтобы вновь произошло то, что случилось с ними в начале: не «так», как произошло в начале, но «то, что» произошло в начале: столкновение с человеческой инаковостью, в которой обновляется само событие, приведшее их в движение в начале. Вокруг этого можно собраться и, следуя за кем-то, воссоединиться с тем, что произошло в начале. Тогда все главные факторы прошлого опыта проявляются вновь более зрелыми и ясными»⁵⁶.

⁵⁵ Scuola incaricati 1962, Archivio CL

⁵⁶ Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», цит., 3-4

Поэтому никакая попытка не может заполнить разрыв, она не смогла бы превратить благочестивое воспоминание в присутствующее событие. Происходит так, как сказал Папа Франциск в Страстной Четверг: «Этим, собственно, и объясняется неудовлетворенность некоторых [...], тех, кто пал духом и превратился в своего рода коллекционеров антиквариата»⁵⁷.

Мы начинаем видеть, как от преобладания захватывающего каждое наше действие Присутствия, из-за чего оно становится выражением Его значительности, мы пришли к тому, что потеряли Его по пути. Почему так происходит? Потому что часто, как говорит отец Джуссани, «наше вовлечение в социальные, культурные и политические проблемы выражается как нечто отдаляющее и отдаленное от живого, настоящего христианского опыта. В то время как вовлечение в социальные, культурные и политические проблемы должно бы стать выражением этого страстного опыта жизни. Напротив, такое вовлечение создает атмосферу, которая истощает внимание к этому опыту и становится его противоположностью, фактически вытесняет, удушает его. Или же часто тот, кто намеревается жить опытом настоящей христианской жизни, утверждает свое стремление [...], входя в противоречие с вовлечением в эти проблемы. И тот и другой случай представляют собой две стороны одной серьезной ошибки»⁵⁸. Активизм или интимизм: уже не господствует Событие, которое внушительно являет себя и меняет наше восприятие самих себя, рождая новый взгляд и новую страсть по отношению ко всему.

Мы видим, как Джуссани без усталости разоблачает искушение свести природу христианства к чему-то меньшему: «Анализ тяжести ситуации, в которой мы находимся [это было сказано в 1976 году, но справедливо и для 2013 года, это наше «сегодня»], служит не обвинению, это вопрос метода и суждения, которое позволяет нам начать заново»⁵⁹. Мы всегда подвержены этому умалению, поэтому отец Джуссани постоянно выносил суждение, исправлял нас, призывал – непреклонно, неустанно.

Все, что мы видели и описали, позволяет понять масштабы нашей нужды. Мы действительно нуждаемся! Какое освобождение признать это и иметь возможность вместе выносить суждение! Из этого признания может родиться только просьба, как та, что постоянно звучит в устах Церкви: «Молим Тебя, Всемогущий Боже, страданиями Единородного

⁵⁷ Папа Франциск, *Проповедь на Мессе освящения мира и благословения елтя в Ватикане*, 28 марта 2013 г.

⁵⁸ *Verso una vita di fede più matura*, a cura di Comunione e Liberazione, *pro manuscripto*, Milano 1976, p. 6

⁵⁹ Там же, p. 7

Сына Твоего дай нам вновь обрести духовные силы, которых мы лишились по немощи нашей»⁶⁰.

Как Христос ответил на слабость апостолов, на их немощь, заставлявшую искать заменяющие Христа опоры? Он не предложил иную стратегию, не прочитал моралистическое нравоучение. Это не могло их удовлетворить, так же, как и нас. Масштаб нужды столь велик, что только Его смерть и Его воскресение могли и могут в корне излечить наше зло. Мы можем обрести жизнь только через страдания Его Сына, говорит Литургия. Но, поскольку мы не осознаем собственной драмы, эти слова для нас часто практически сводятся к «благочестию». Из чего это видно? Из того, как мы обращаемся с этой нуждой, из нашей самонадеянной уверенности и высокомерия. На самом же деле мы, как сказал святой Бернард, нуждаемся, в том, «чтобы Он [Христос] вернулся ко мне и вернул мне спасительную тихую радость, вернул мне себя самого»⁶¹.

3. Пребывание христианства как события в настоящем: Он здесь

Иисус вернулся. Вернулся живым. Есть безусловный момент, когда Его живое присутствие вновь берет верх – это Воскресение. Сколь впечатляюще видеть изумление учеников перед внушительностью Его живого, неизбежного присутствия! Однако мы замечаем, как Иисус борется с их неспособностью видеть: «А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус»⁶², раз за разом стараясь вывести их из собственных мерок, либо произнося слова определенным образом: «Мария», либо через чудо. «Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы»⁶³. Иисус хочет проявления веры, уверенности Своих учеников: «Это Господь»⁶⁴. Мы всегда можем заново начинать, потому что Он живой. Он живущий. Чтобы они вновь обрели жизнь, Он не ограничивается пассивным присутствием. В ответ на их нужду это присутствие берет на себя инициативу. Отвечая на замешательство из-за Его смерти, Он объясняет им Писание: «Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И,

⁶⁰ Молитва дня, Понедельник Страстной недели, Римский Миссал

⁶¹ Cfr. San Bernardo di Chiaravalle, *Sermoni sul Cantico dei Cantici*, LXXIV, II, 7

⁶² Ин 21,4

⁶³ Ин 21,6

⁶⁴ Ин 21,7

начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании»⁶⁵. Отвечая на предательство Петра, Он спрашивает его: «Петр, любишь ли ты Меня?»⁶⁶. И затем: «Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»⁶⁷. Либо являет Себя в преломлении хлеба, в Евхаристии.

Это всегда будет отправной точкой. Только Его инициатива позволяет нам заново начинать. Бенедикт XVI напомнил нам об этом на открытии Синода прошлой осенью: «Мы не можем создавать Церковь, мы можем только рассказывать о том, что совершил Он. Церковь начинается не с нашего дела, но дела и слова Бога. Апостолы, проведя несколько собраний, не сказали: «А теперь мы хотим создать Церковь», и не составили Конституцию, как если бы они были учредительным собранием. Нет, они молились и ждали, пребывая в молитве, потому что знали, что только Сам Бог может создать Свою Церковь, что Бог является главным действующим лицом: если Бог не действует, наши дела остаются только лишь нашими, и они несостоятельны; только Бог может свидетельствовать о том, что это Он говорит и говорил. Пятидесятница является условием рождения Церкви: только потому, что Бог действовал первым, апостолы могут действовать вместе с Ним и Его присутствием и показывать другим то, что творит Бог. Бог говорил; «говорил» – это перфект, совершенное время веры, но одновременно это всегда настоящее: перфект Бога – это не только прошлое, поскольку это истинное прошлое, которое всегда включает в себя настоящее и будущее. «Бог говорил» означает «Он говорит». И как в то время только по инициативе Бога могла родиться Церковь, люди могли узнать Евангелие, узнать, что Бог говорил и говорит, так и сегодня только Бог может начать: мы можем только сотрудничать, но начало должен положить Бог. И если каждый день мы начинаем нашу встречу с молитвы, это не просто формальность – это соответствует самой реальности. Мы можем идти, мы можем сотрудничать, только если Бог идет впереди нас, наше сотрудничество – это именно сотрудничество, а не наши самостоятельные решения. Таким образом, важно всегда осознавать, что первое слово, подлинная инициатива, подлинная деятельность исходит от Бога, и только включившись в эту божественную инициативу, только прося об этой божественной инициативе, мы тоже можем стать – с Ним и в Нем – благовестниками. Бог всегда есть начало»⁶⁸.

⁶⁵ Лк 24,25-27

⁶⁶ Ин 21,15-16

⁶⁷ Ин 20,22-23

⁶⁸ Бенедикт XVI, *Размышления во время первого заседания XIII очередной Генеральной ассамблеи Синода епископов*, 8 октября 2012 г.

Лишь тот, кто соглашается включаться в это постоянное начало, может видеть, как жизнь снова возрождается, как наше существование вновь обретает мощь.

Каким образом христианство пребывает в истории как присутствующее событие? Через тех, кто был Им захвачен, через тех, в ком господствует сознание Его присутствия.

Постараемся не сводить насыщенность и богатство компании верующих к нашим попыткам, поскольку это сразу стало бы недостаточным для ответа на размах нашей нужды. «Событие Христа пребывает в истории через сообщество верующих – видимую реальность, подобно скинии, в которой помещена *sancta sanctorum*, святая святых, вочеловечившаяся Тайна. Тайна пребывает в жизни каждого человека и всего мира лично, реально, через ощутимо выраженное единство христиан. Сообщество верующих – это действенный знак Христова спасения для человека, таинство спасения мира. Так, это сообщество, сплоченное Им вокруг нас, и есть присутствие Христа воскресшего. Оно есть Христос в Его человеческой сущности, Тело Христово среди нас, которое можно потрогать, увидеть, ощутить. Значение этого сообщества глубже видимого, ибо видимое – это явление открывающейся нам Тайны Христа»⁶⁹.

Если, чтобы ответить на нашу немощь, Он должен был умереть и воскреснуть, то нынешний вопрос таков: как сегодня мы можем участвовать в Его победе? И какой шаг сегодня делает Христос, чтобы приобщить нас к Своей победе? «Христос открывается нашему познанию, становится нам доступен и, следовательно, одаряет нас Своим Духом в Церкви через Священное Писание, Таинства, апостольское преемство, но более всего Его Дух проникает в нас и наполняет нас через всю жизнь Церкви. Церковь – это вся вселенная, пронизанная, созданная заново и покоренная Христом с помощью Его Духа. То есть Церковь – это человечество, ставшее самим собой, объединенное присутствием Христа через ту заново творящую энергию, которая есть тайна Духа в Пятидесятнице. Христос был бы слишком далек от нас и потому стал бы жертвой наших толкований, если бы Он не присутствовал в живой Церкви. Если бы Христос не предложил нам Себя в тайне Своего Тела – Церкви, то в конечном счете Он подвергся бы нашему умалению и как смысл, и как метод. Поэтому Церковь – это метод, которым Христос сообщает Себя во времени и пространстве, подобно тому, как Христос – это выбранный Богом метод, чтобы сообщать Себя людям ради их спасения. Через человечность Церкви божественное достигает нас и как «сообщение истины» (Писа-

⁶⁹ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

ние, Предание, Учительство), то есть как помощь человеку в достижении объективной ясности и уверенности в понимании конечного смысла собственного существования, и как «сообщение самой божественной сущности» – Благодати – через Таинства»⁷⁰.

Следовательно, наше первое действие заключается в том, чтобы вовлекаться в эту инициативу Христа, присутствующую в Церкви.

Инициатива Христа началась в Крещении: «Встреча Христа с нашей жизнью, благодаря которой Он становится для нас реальным событием, столкновение Христа с нашей жизнью, начиная с которого Он двинулся нам навстречу и, как *vir pugnator*, муж брани, развязал вечную борьбу за «вторжение» в наше существование, называется Крещение»⁷¹. Он обновляет нас, делает иными, включая нас в Свою смерть и воскресение: «Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения»⁷².

Это начало должно постоянно питаться, вскармливаться, чтобы мы могли продолжать путь в этой новой жизни: «Причастие Телу Христа Воскресшего, «оживотворенное Духом Святым и животворящее», сохраняет, развивает и обновляет жизнь благодати, полученную при Крещении. Это возрастание христианской жизни нуждается в питании евхаристическим Причастием, хлебом нашего паломничества»⁷³. Если мы не хотим потерять отношение со Христом, завоевавшим нас, мы нуждаемся в том, чтобы постоянно приходить и получать таинства, как попросайки: «Причастие укрепляет наш союз со Христом. Главным плодом принятия Евхаристии в Причастии является глубокое единение со Христом Иисусом. Господь ведь говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин 6,56). Жизнь во Христе обретает свой фундамент в евхаристической Трапезе: «Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин 6,57)»⁷⁴. Именно так Он ищет нас, как напоминает нам святой Иоанн Златоуст: «Для тебя Я подвергся оплеванию, заушению, истошил славу, оставил Отца и пришел к тебе, ненавидящему Меня, отвергающемуся от Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шел вслед за тобою и догонял, чтобы удержать тебя; Я соединил и сочетал тебя с Собою; «ешь

⁷⁰ Там же

⁷¹ Там же

⁷² Рим 6,4-5

⁷³ Катехизис Католической церкви, 1392

⁷⁴ Катехизис Католической церкви, 1391

Меня, – сказал Я, – и пей Меня». И на небе держу тебя, и на земле соединяюсь с тобою. Разве не довольно для тебя того, что начаток твой Я держу на небе? Разве это не удовлетворяет твоей любви? И опять Я сошел на землю, – не просто смешиваться среди народа твоего, но чтобы именно тебя заключить в крепкие объятия»⁷⁵.

Только это является постоянным источником реального общения среди нас. Только евхаристическое общение может преобразить нас в единое тело, облакая все наши отношения в Его присутствие.

Наше общение со Христом и с братьями нуждается в постоянном восстановлении милосердием, то есть присутствием Христа, который обращается к нам, как к Петру после его предательства. Только эта исполненная к нам милосердия инициатива восстанавливает нас в нашем отношении со Христом, с братьями и с самими собой. Без милосердия нет пути, нет общения. Поэтому «Христос установил таинство Покаяния для всех грешников – членов Его Церкви, и прежде всего для тех, кто после Крещения впал в тяжкий грех и таким образом потерял благодать Крещения и повредил церковное общение»⁷⁶.

«Обращение ко Христу, новое рождение в Крещении, дар Духа Святого, Тело и Кровь Христовы, полученные в пищу, сделали нас «не имеющими пятна или порока, или чего-либо подобного» (Еф 1,4), как сама Церковь, Невеста Христова, «не имеет пятна или порока перед Ним» (Еф 5,27). Однако новая жизнь, полученная через христианское посвящение, не исключила хрупкости и слабости человеческой природы, склонности к греху, который Предание называет *похотью* и который остается в крещеных, чтобы они, с помощью благодати Христовой, закалились в борьбе христианской жизни. Эта борьба есть подвиг *обращения* для достижения святости и вечной жизни, к которой Господь неустанно призывает нас»⁷⁷.

Только если мы соглашаемся принимать эти действия Христа, через которые Он влечет нас внутрь Себя, делает из нас единое тело, обновляет через таинство покаяния, питает нас Своим Телом и Кровью, мы можем заново начинать: «Христос, – сказал Папа Франциск в Светлый Понедельник, – победил зло абсолютным и окончательным образом, но именно людям всех времен надлежит принять эту победу в своей жизни и в конкретных реалиях истории и общества. Поэтому мне кажется важным подчеркнуть то, что сегодня мы просим у Бога в Литургии: «О Отче, расширяющий Твою Церковь, давая ей все больше новых детей, даруй Твоим

⁷⁵ Ср. Иоанн Златоуст, *Комментарий к 1-му посланию Тимофею*, Беседа 15, Полное собрание творений, том XI, часть 2

⁷⁶ *Катехизис Католической церкви*, 1446

⁷⁷ *Катехизис Католической церкви*, 1426

верующим являть в жизни то таинство, которое они получили в вере» [...]. Это правда, Крещение, делающее нас детьми Божиими, Евхаристия, соединяющая нас со Христом, должны стать жизнью, иными словами, воплотиться в наших поступках, позициях, предпочтениях. Благодать, содержащаяся в пасхальных Таинствах, является огромным потенциалом обновления для личной жизни, для жизни семьи, для общественных отношений. Но все проходит через человеческое сердце: если я позволяю достичь себя благодати Христа воскресшего, если я позволяю ей изменить себя в этой моей характерной черте, которая не является доброй, которая способна причинить зло и мне, и другим, я позволяю победе Христа утвердиться в моей жизни, расширить ее благодатное действие. Такова сила благодати! Без благодати мы ничего не можем. Без благодати мы ничего не можем! И благодать Крещения и евхаристического причастия может сделать меня орудием милосердия Бога, этого прекрасного милосердия Бога. Выражать в жизни таинство, которое мы получили: вот, дорогие братья и сестры, каков наш повседневный труд, но я сказал бы, также наша повседневная радость! Радость ощущать себя орудиями благодати Христа, словно побегами виноградной лозы, которая есть Он сам, одушевляемыми лимфой Его Духа!»⁷⁸

И Его способность преобразить жизнь и привести нас участию в этой благодати выражается, вместе с таинствами, через харизмы: «Кроме того, Тот же Самый Святой Дух освящает Народ Божий, ведет его и украшает добродетелями не только посредством таинств и служений, но «разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1Кор 12,11), Свои дары. Он распределяет среди верующих всех разрядов также особую благодать, посредством которой Он придает им способность и готовность к принятию различных дел или служений, полезных для обновления и дальнейшего созидания Церкви»⁷⁹.

30 мая 1998 года на площади святого Петра Папа Иоанн Павел II сказал нам: «Истинные харизмы не могут не иметь единственной целью встречу со Христом в Таинствах. Церковные объединения, к которым вы принадлежите, помогли вам вновь открыть призвание, полученное в крещении, и обрести ценность даров Святого Духа, полученных в Миропомазании, довериться милосердию Божию в Таинстве Примирения и признать в Евхаристии источник и вершину всего христианства»⁸⁰.

Таков исторический вклад отца Джуссани, который он принес в нашу жизнь и в жизнь всей Церкви: «Харизма и представляет собой ту форму

⁷⁸ Франциск, *Regina Coeli*, понедельник в Октавии Пасхи, 1 апреля 2013 г.

⁷⁹ Догматическая конституция "Lumen Gentium", 12, 21 ноября 1964 г.

⁸⁰ Иоанн Павел II, *Речь на встрече с церковными движениями и новыми общинами*, 30 мая 1998 г.

времени, пространства, характера, темперамента, ту психологическую, эмоциональную, интеллектуальную форму, в которой Господь становится событием для меня и так же для других»⁸¹. Таким образом харизма является фактором принадлежности Христу и Его истине: «Вопрос харизмы – решающий, поскольку это условие, жизненно способствующее принадлежности Христу, то есть свидетельство События, разворачивающегося сегодня, поскольку оно нас трогает. В этом смысле харизма вводит во всю целостность учения. Если харизма – это тот способ, которым Дух Христов позволяет нам уловить его исключительное Присутствие, дает силы простосердечно и с любовью следовать за Ним, то переживание харизмы высвечивает объективное содержание учения»⁸².

Однако мы не должны забывать, что харизма, ее действенность сегодня может постоянно рождаться только от таинственной благодати. Именно таинственная благодать позволяет являть и поддерживать в жизни церковное тело, как сказал в незабываемой для нас речи Иоанн Павел II: «Возрастание церковного тела как института, его убедительная сила и связующая энергия основываются на энергии Благодати таинств. Последняя, однако, находит свою выразительную форму, способ действия, конкретное историческое влияние через различные харизмы, характерные для определенного темперамента и личной истории. [...] Когда Движение признано Церковью, оно становится привилегированным орудием для личного и постоянно нового присоединения к Тайне Христа. Никогда не позволяйте, чтобы в вашем участии поселился червь привычки, рутины, старости! Постоянно обновляйте открытие харизмы, которая вас воодушевила, и она мощным образом приведет вас к тому, чтобы вы стали слугителями той единственной власти, которая есть Христос Господь!»⁸³

Лишь позволив настичь нас силе воскресшего Христа, непрестанно идущего нам навстречу через таинства и харизму, мы сможем увидеть, что «сбивающая с ног» повседневность перестает быть невыносимой: «Чудо – это повседневная реальность, проживаемая в повседневности без напыщенности, без необходимости делать исключения, без особенных удач. Чудо состоит в том, чтобы есть, пить, бодрствовать и спать в осознании Присутствия, достигающего нас через руки, к которым можно прикоснуться, через лица, которые можно увидеть, в даруемом прощении, в деньгах, которые нужно распределить, в трудности, которую

⁸¹ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

⁸² Там же

⁸³ Giovanni Paolo II, *Discorso ai sacerdoti partecipanti all'esperienza del Movimento "Cominione e Liberazione"*, 2-3, 12 сентября 1985 г.

нужно преодолеть, в работе, которую нужно принять»⁸⁴.

«Присутствие Христа в обыкновенной жизни все больше вызывает биение сердца: взволнованность от Его присутствия становится взволнованностью в повседневной жизни и все больше просвещает, умиляет, украшает, наполняет нежностью содержание повседневной жизни. В ней нет ничего бесполезного, чуждого, потому что нет ничего чуждого твоей судьбе и поэтому нет ничего, к чему ты не можешь привязаться [...], с чудесными последствиями, которые проявляются в уважении к тому, что ты делаешь, в точности в том, что ты делаешь, в верности конкретному делу, в упорстве по достижению его цели; ты становишься более неутомимым [...]. Таким образом, усталость словно поглощается как таковая и превращается в чисто физиологическую усталость»⁸⁵.

Это и есть проверка победоносного присутствия Христа в повседневности, присутствия, которое позволит нам все больше прилепляться к Нему до такой степени, что вместе с Адой Негри мы сможем сказать: «Ты для меня был и остаешься всем»⁸⁶. Наверное, о многих можно было бы сказать: «Ты был всем для меня». Но сказать о ком-то не только «был» в прошлом, в изначальной встрече, но «есть» сейчас, в настоящем – уже совсем другое дело!

Только вовлекаясь в Его победу, мы сможем по-настоящему сказать: «Христе, Ты для меня был и остаешься всем».

⁸⁴ L. Giussani, *Un evento reale nella vita dell'uomo* (1990-1991), Bur, Milano 2013, p. 269

⁸⁵ Там же, pp. 103-104

⁸⁶ A. Negri, «Atto d'amore», *Mia giovinezza*, Bur, Milano 2010, p. 70

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Святой Мессы: Деян 9,31-42; Пс 115 (116); Ин 6,60-69

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

КАРДИНАЛА ЖАНА-ЛУИ ТОРАНА,

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАПСКОГО СОВЕТА ПО МЕЖРЕЛИГИОЗНОМУ ДИАЛОГУ

Как всегда, Иисус оставляет людям свободный выбор. Также и Двенадцать должны обновить свое присоединение ко Христу: «Не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты святой от Бога». На слова и поступки Иисуса человек вынужден ответить «да» или «нет». Великая драма человека не в болезни или смерти, она в его свободе. Человек может сказать Богу «нет», и Бог уважает его свободу. Знаменитый поэт Гёльдерлин, современник Гете, написал: «Бог создал человека, как море создает континенты, отходя назад».

Иисуса Христа невозможно избежать. Иисус беспокоит, так как является знаком противоречия: «Какие странные слова: кто может это слушать?» (Ин 6,60).

Мы здесь, потому что мы ученики Иисуса и потому что несем определенное послание миру, сегодняшней Италии. Послание, которое является радикальным протестом против «политической и культурной благопристойности». Подумайте, мы говорим своим друзьям: «Вы, мы призваны к вечной жизни». Кроме того, мы должны напомнить человечеству сегодняшнего и завтрашнего дня об уникальном событии в истории: Христос воскрес! Революция или научный прогресс никогда не смогут принести людям «столь важную вещь», как воскресение Христа. Это Евангелие неслыханной победы над болью, над грехом, над смертью, которую Христос одержал для Себя и для нас. Это неопишное событие касается и обнимает нас! Тогда вы видите, что вера не значит просто верить в то, что Бог существует. Нет, это значит, что Бог вмешивается в человеческое существование. Объект нашей веры – я слышал, как сегодня утром отец Каррон это подчеркивал – это событие, или череда событий: верить, что Бог говорил с Авраамом, освободил народ из Египта, воплотился от Девы Марии, воскрес из мертвых. Для нас это значит верить также в то, что Бог присутствует среди нас в Евхаристии: вот «высший парадокс». В действительности, люди более или менее расположены признавать божество, которое находится «над ними и не беспокоит их». Но верить, что Бог вмешивается в канву человеческого существования, что деяния Бога совершаются сегодня, – это «искушение», от которого отказывает-

ся большая часть наших современников. Отказываются от сверхъестественного. Ваше многочисленное, внимательное, вовлеченное собрание согревает сердце, потому что это событие Бога. Здесь, этим утром, *hic et nunc*, Бог среди нас в этой Евхаристии. Для нас Христианство не является «определенным видением мира». Это не система, которую мы принимаем, поскольку она нам подходит. Мы здесь, так как верим, что что-то произошло, что Христос воскрес, что Он является Истиной, и это касается всех людей.

Вы знаете, что за нами, христианами, «наблюдают». Все стремятся увидеть не то прекрасное, что мы можем совершить, а скорее наши недостатки. И это напоминает нам, что Церковь – одновременно и божественная, и человеческая реальность. Однако мы не должны комплексовать, потому что Дух ведет Церковь и всегда готовит сюрпризы. Достаточно вспомнить то, что случилось в Риме месяц назад. Я обратил внимание, что в речах нового Папы часто повторяется глагол «выйти». Выйти из самих себя, чтобы позволить Богу нас очистить; выйти из наших церквей, наших монастырей, из наших залов собрания, чтобы достичь людей там, где они живут, созидают, страдают, умирают.

Первое чтение явило нам Петра во время, так сказать, «пастырского визита». Здесь необходимо подчеркнуть мир и насыщенное братство. Мы знаем, что к этому необходимо добавить слушание Слова, преломление хлеба и общность имущества. Это характеристики первой христианской общины, и мы должны всегда на нее опираться. Но поведение Петра, исцеляющего больных, напоминает нам, что и мы должны отвечать на вопросы наших современников. Чтобы задаться основополагающими вопросами, они должны увидеть, как мы молимся; они нуждаются в слове, которое «возвышает» их души, они нуждаются во встрече с общиной, где они могут быть приняты, услышаны и уважаемы. Да, все нуждаются в том, чтобы выйти из этого контекста смерти, недоверия, подозрительности, которые, к сожалению, разрушают нашу жизнь и являются характерными чертами сегодняшней культуры: бессмысленность, изоляция, отсутствие уважения к самим себе. Петр сумел ответить на ожидания людей в трудностях, с которыми сталкивался, потому что научился у Иисуса молиться и исполнять миссию.

Во время этих Упражнений вы задавались вопросом: «Кто отлучит нас от любви Христовой?». Чтобы ответить: «Никто, ничто», и вы должны иметь эту близость со Христом, дружбу со Христом.

Серьезная опасность современного мира – организация нашей жизни, общества согласно человеческим мерам. Мы, христиане, предлагаем Бога Отца, близкого нам, делающего Себя слугой и пищей, – вот что отлича-

ет нас от учеников Магомета или Будды. Но, внимание: мы никогда не должны привыкнуть к этой невозможной близости Бога. Кто говорит о Боге «Он» и никогда «Ты», постепенно забывает черты Его лица. В один прекрасный день Бог станет лишь идеей и очень быстро ничем иным, как просто словом.

Только вчера утром Папа Франциск напомнил, что христианская жизнь – это разговор с Богом один на один, как говорят с человеком. «Не с неопределенным и распыленным повсюду, наподобие спрея, Богом», – сказал Папа.

Братья и сестры, помолимся о даровании нам духовных сил, в которых мы нуждаемся, чтобы быть последовательными христианами, способными построить общество, цели которого будут достойны человека. Пусть Бог сохранит нас, чтобы мы не «сняли караул», сводя любовь к простой филантропии, превращая апостольский дух в обычную пропаганду, а Церковь – в клуб.

Поблагодарим Бога за эти Упражнения, помогающие нам еще раз удостоверить, сколь многочисленны мужчины и женщины, которые в своей повседневной жизни осознают верность Бога, проявленную во Иисусе Христе и в Его Церкви. Все вместе мы чувствуем себя сильнее, чтобы любить и служить нашему миру, миру, который любит Бог и который спасает Христос. Наш мир, в котором человек стремится проникнуть в глубины атома, но при этом остается слеп к смыслу человеческого приключения. Это мир, богатый на проекты и технические достижения, но одновременно исполненный тревоги о будущем. Это мир все более скоростного сообщения, но и мир одиночества. Это мир, где мужчины и женщины способны на восхитительные проявления солидарности, но также и мир, где многие живут, замкнувшись на самих себе.

И тем не менее это мир, который любит Бог, который мы должны любить и которому должны служить. Мы должны держать открытой дверь нашего сердца, чтобы принимать, понимать, вступать в диалог, воодушевлять и позволять другим расти, возрастая и сами, благодаря их вопросам.

Папа Павел VI был прав, утверждая в праздник Пасхи 1969 года: «Христианство не легкое, но счастливое». Будем же помогать друг другу устанавливать и углублять личное отношение с Иисусом! Иисус делает нас служителями и этим утром еще раз накрывает на стол, где Он Тот, кто служит, и Тот, кто дает нам пищу.

Будем хранить абсолютное доверие к этому верному Богу, и так наша любовь к личности Иисуса станет такой, что ничто не сможет отлучить нас от Него. И да будет так!

ДО БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Хулиан Каррон. Ваше Высокопреосвященство, от имени всех желаю выразить благодарность *прежде* всего за Ваше участие в наших Упражнениях. Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за то внимание, с которым Вы относитесь к нашему опыту, внимание, которое со временем переросло в отеческую дружбу. Значимо, что именно от Вас 13 марта мы услышали первое объявление об избрании Папы Франциска, великого дара Господа для Своей Церкви. Мы благодарим Вас за Ваше ясное свидетельство умного и смиренного служения Святому Отцу, которое помогает нам в нашем ежедневном следовании за Христом.

Спасибо, Ваше Высокопреосвященство!

Кардинал Торан. Спасибо! Став кардиналом, я раздавал своим друзьям карточку с высказыванием святого Павла из Второго послания к Коринфянам: «Мы – рабы ваши для Иисуса». Это задача каждого священнослужителя. Благодарю за доверие!

Суббота 20 апреля, день

На входе и выходе:

Франц Шуберт, Соната для арфы и фортепиано, D 821
Мстислав Ростропович, виолончель – Бенжамин Бриттен, фортепиано
“Spirto Gentil” n. 18, Decca

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Да будет мне по слову Твоему»

«Вся христианская жизнь – это отклик на любовь Бога, – сказал Бенедикт XVI. – Первичный отклик – это именно вера как исполненное изумления и благодарности принятие этой беспрецедентной инициативы Бога, которая предваряет и призывает нас. И «да» веры означает начало светочной истории дружбы с Господом, наполняющей всю нашу жизнь и придающей ей смысл»⁸⁷.

Именно об этой вере сейчас пойдет речь.

1. Вера – это признание определенного Присутствия

«Положение, в котором мы оказываемся перед событием Христа, тождественно положению Закхея перед Человеком, остановившимся под смоковницей, на которую тот взобрался, и сказавшим: «Сойди скорее, Я иду в твой дом». Это положение вдовы, потерявшей единственного сына и услышавшей от Иисуса слова, которые нам кажутся неразумными: «Не плачь, женщина!». Ведь это нелепо – говорить матери, чей единственный сын умер: «Не плачь, женщина!». Для них, как и для нас теперь, то был опыт присутствия чего-то радикально отличающегося от наших представлений и в то же время полностью, удивительным образом отвечающего глубинным ожиданиям нашей личности. Испытать истинное соответствие нашему сердцу [как мы говорили сегодня утром] – это нечто совершенно исключительное [...]. Поскольку наше сердце создано для такого соответствия, оно должно бы стать нормой нашей жизни; одна-

⁸⁷ Бенедикт XVI, *Вера в любовь пробуждает силу любви*, 1. Послание на Великий Пост 2013 г. 15 октября 2012 г.

ко этого никогда не происходит; а если происходит, представляет собой исключительный опыт. Иметь искренность, чтобы признать это Присутствие, простоту, чтобы его принять, и привязанность, чтобы за ним пойти, – это и есть вера»⁸⁸.

Джуссани продолжает: «Чтобы вера вошла в человека и в мир, прежде должно произойти нечто такое, что есть благодать, чистая благодать: событие Христа, встречи со Христом, в котором переживается опыт исключительности, не случающийся сам собой. Вера, по сути, – это признание особенности некоего Присутствия, признание Присутствия исключительного, божественного [...]. Кто знает, сколько раз самарянка мечтала о таком отношении, какое явил к ней Христос, никогда прежде не отдавая себе в этом отчета; когда это случилось, она сразу же это признала»⁸⁹.

Необходимо осознать, что христианская вера имеет источник вне нас. Это не то, что мы можем создать сами. Как часто нам хотелось бы самим создать то соответствие, которым мы желали бы обладать! Если это что-то вне нас, то она не имеет ничего общего с самонаблюдением, с тем, что мы можем получить, копаясь в себе самих. Следовательно, это не чувство, не этика, потому что не находится в наших руках; не в наших силах породить соответствующее нам присутствие. Христианская вера настолько определена объектом, что без этого Присутствия ее просто не было бы. Это как влюбленность: без присутствия любимого человека ее не было бы. Напрасно надеяться, что мы можем породить христианскую веру при помощи каких-либо стратегий, попыток, напряжения чувств, при помощи размышления (можно бесконечно продолжать этот список), все это не породит даже мгновения опыта влюбленности. В итоге, составной частью влюбленности является присутствие человека, который эту влюбленность вызывает, пробуждает и поддерживает.

Поэтому: «Вера – часть события христианства, потому что она – часть благодати, которую являет событие [...]. Вера принадлежит событию, потому что, будучи *любовным признанием* присутствия чего-то исключительного, она есть дар, благодать. Как Христос дарит мне Себя в настоящем событии, так Он животворит во мне способность постигать и признавать Его в Его исключительности»⁹⁰.

Но каким образом исключительное Присутствие оживляет способность улавливать Его? Потому что если его исключительное Присутствие не способствует пути к себе, как мы видели этим утром, если мы не сле-

⁸⁸ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

⁸⁹ Там же

⁹⁰ Там же

дуем за желанием, пробужденным этим Присутствием, за обостренным стремлением произнести Его имя, то мы не достигаем Его, а значит, наше сердце не обретает удовлетворения, для которого оно создано. Поэтому отец Джуссани пишет: «И действительно, само действие, посредством которого Бог является человеку в христианском событии, превозносит и познавательную способность сознания, сообразует пронизательность человеческого взгляда с исключительной реальностью, которая его пробуждает. Это *благодать веры*»⁹¹. Это можно сравнить с присутствием любимого человека, которое превозносит нашу познавательную способность, чтобы мы могли узнать его в его самой глубинной истине.

Тогда каким образом превозносится наша познавательная способность, чтобы уловить весь масштаб Присутствия? Отец Джуссани настаивает на том, что, для того «чтобы познавать, необходима [...] позиция открытости, то есть «любви». Без любви нет познания. По сути, такая любовь предопределяется тем изначальным инстинктом, с помощью которого природа – то есть создающий нас Бог – подталкивает нас к любознательной встрече с реальностью. [...] В конечном итоге, только эта живая открытость по отношению к объекту, которая перерастает в привязанность, позволяет этому объекту затронуть нас тем (именно *затронуть*), чем он является. Как человек шагает всем своим существом, так он и видит всем своим существом [невозможно разрушить единство «я», всегда учил нас отец Джуссани]: он видит очами разума, если сердце «открыто к», то есть если открытость взгляда поддерживается привязанностью; иначе перед объектом глаза закрываются, «засыпают», взгляд бежит прочь. Итак, очи разума видят, если их поддерживает любовь, в которой действует свобода»⁹².

Необходимо вдуматься в это описание, предлагаемое отцом Джуссани, чтобы понять его до конца. Почему необходимо исключительное Присутствие? Как оно связано с открытостью взгляда разума? Исключительное Присутствие, словно магнит, притягивает любознательность и привязанность человека (посмотрите на детей), что поддерживает открытость взгляда разума, чтобы тот мог познавать объект, не умаляя его. Если разум поддерживается любовью, он может уловить все факторы, которые несет в себе исключительное Присутствие. Исключительное присутствие Христа распахивает взгляд, превознося познавательную способность человека, делая его способным уловить и признать Его присутствие в его исключительности. Мы говорили об этом словами свято-

⁹¹ Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, Христианская Россия, Москва – 2002, с. 134

⁹² Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить путь в истории мира*

го Августина о Закхее: «Иисус посмотрел на него, и тот прозрел»⁹³. Отец Джуссани продолжает: «Вера представляет собой свершение человеческого разума. Она является пониманием реальности в ее крайних горизонтах, признанием того, чем все стоит. Природному разуму не удается достичь этих крайних горизонтов. Только благодаря тому, что произошло благодаря событию Бога, ставшего человеком, благодаря Его дару [благодаря исключительности этого Присутствия перед нашими глазами], наш обновленный ум может коснуться и узнать Его. Таким образом, вера достигает вершины, превосходящей границы разума; без нее разум незавершен, тогда как в ней он становится лестницей надежды»⁹⁴.

Вера – это форма познания, превосходящего границы разума. Почему вера превосходит границы разума? «Потому что улавливает что-то такое, чего разум уловить не может: «присутствие Иисуса среди нас», «Христа, присутствующего сейчас». Разум не может ощутить этого в той же форме, в какой он ощущает, что ты находишься здесь. Однако я не могу не допустить, что Он здесь. Почему? Потому что есть определенный фактор, есть фактор, обуславливающий эту компанию, обуславливающий определенные проявления этой компании, определенные отзвуки в этой компании, компании настолько удивительной, что если я не утверждаю чего-то иного, то не могу дать разумных оснований этому опыту; ведь разум – это утверждение испытываемой реальности во всех составляющих ее факторах, во всех. Среди факторов, составляющих эту компанию, может быть такой, эхо которого мы слышим, плод которого ощущаем [мы говорили об этом сегодня утром: плод иной человечности], следствие которого мы видим, но которого непосредственно увидеть не можем. Если я говорю: «В таком случае его нет», то ошибаюсь, так как что-то исключаю из опыта, и это уже неразумно»⁹⁵.

Но поскольку это тяжело, поскольку подразумевает неустанное стремление (сколько из вас так подумали, лишь услышав эти слова? Представьте себе, каково это сделать!), мы часто останавливаемся на видимости, на поверхности того, что должно быть указующим знаком, либо отрицая или устраняя тот фактор, чье эхо достигает нас, либо довольствуясь этими положительными отголосками, до тех пор пока не устаем, пока не осознаем, что этого недостаточно, чтобы жить, что эти отзвуки не способны наполнить нас, не удовлетворяют нашу жизнь. И начинается кризис нашей веры. Именно поэтому нас поражает постоянное свидетельство отца Джуссани об этом обостренном стремлении

⁹³ Sant'Agostino, *Discorso* 174, 4.4

⁹⁴ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес, *Прочертить путь в истории мира*

⁹⁵ Л. Джуссани, *Можно ли жить так?*, Москва 2010, стр. 269

ловить все факторы реальности, дойдя до «Ты». Когда отец Джуссани нам это говорил, им двигало желание усложнить нам жизнь? Или целью было не потерять то самое Присутствие, чьи отзвуки он видел в реальности и которого хотел достичь? Послушайте, с какой настойчивостью он утверждает: «Вера рациональна, поскольку цветет на последнем пределе движения разума, подобная цветку благодати, к которой человек прирастает своей свободой [вместе с разумом, вот другой решающий фактор человечности: свобода]. А как человек прирастает своей свободой к этому цветку, непостижимому по происхождению и строению? Прирастать своей свободой означает, что человек уверенно и непосредственно в простоте признает то, что его разум воспринимает как исключительное. Это бывает при неоспоримой, несокрушимой очевидности обстоятельств и мгновений жизни, когда они появляются на нашем горизонте»⁹⁶. «Таким образом моя свобода признает это событие и соглашается его принять»⁹⁷.

«Поскольку я это я, – говорит Льюис, – то я должен отрешиться от себя, как бы мал и легок ни был этот акт, и жить для Бога, а не для себя. В этом, если угодно, состоит «слабое место», заключенное в самой природе творения. По-видимому, Господь считает нужным идти на такой риск [в отношении с нами]»⁹⁸.

«Поэтому вера в нас – это и признание исключительного присутствия [совершаемое разумом], и простое и искреннее прирастание, которое говорит «да» [совершаемое свободой] и не выдвигает возражений. Признание и прирастание – части того момента, в котором Господь, силой Духа Своего, открывается нам; они – части того момента, в котором событие Христа входит в нашу жизнь»⁹⁹. Поэтому апостол Павел говорит, что никто не может назвать Иисуса Господом (то есть на самом деле совершить абсолютный акт веры), «как только Духом Святым»¹⁰⁰, Который возводит на вершину разум и свободу, поскольку христианская вера столь человечна, что превозносит все человеческое, разум и свободу. Без этого превознесения, без нашего решения участвовать в этом превознесении нет веры.

Отец Джуссани совершил это колоссальное усилие не просто так. Он это сделал, чтобы помочь нам понять все факторы веры, потому что сегодня в нашем мире, в нашей культуре веры не будет, если в акте веры не участвуют разум и свобода: в нашем мире, где все говорит об обрат-

⁹⁶ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес, *Прочертить путь в истории мира*

⁹⁷ Там же

⁹⁸ К.С. Льюис, *Страдание*

⁹⁹ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес, *Прочертить путь в истории мира*

¹⁰⁰ Ср. 1Кор 12,3

ном, мы не можем верить лишь по привычке. Поэтому следовать за Джуссани – это сегодня единственная возможность иметь веру. Папа Бенедикт вел неустанную борьбу за это «расширение разума», чтобы помочь нам понять, что вера является вершиной разума (которую сделало возможной само событие Христа), чтобы утверждение Христа не стало чем-то добавленным к жизни, то есть, в конечном счете, иррациональным. Каждый сам должен решить, открыт ли он к следованию за отцом Джуссани на этом пути, чтобы верить по-человечески, как взрослый человек в таком мире, как наш. Вера не является факультативной добавкой к Событию. И без признания веры жизнь обречена быть пустотой. Побеждают страх, одиночество и неудовлетворенность. Поэтому, как говорит блаженный Августин, «чувствует себя привлеченным ко Христу человек, который находит радость в истине, блаженстве, справедливости, в вечной жизни – то есть во всем том, что есть Христос»¹⁰¹.

Итак, каким образом вера может все больше становиться моей?

2. Обретение личностной веры

Харизма – как многократно повторял нам отец Джуссани – есть дар Святого Духа, который помогает обретению личностной веры и тем самым придает ей большую убедительность в жизни каждого человека. В одном письме, адресованном отцу Джуссани, Иоанн Павел II утверждал, что «оригинальность харизмы каждого движения «не претендует и не могла бы претендовать на то, чтобы что-то добавить к богатству *depositum fidei*, хранимому Церковью со страстной верностью» [...]. И все же эта оригинальность “представляет собой мощную поддержку, привлекательный и убедительный призыв к тому, чтобы в полноте, разумно и творчески, прожить христианский опыт. В этом состоит предпосылка для адекватного ответа на вызовы и требования времени и меняющихся исторических обстоятельств”»¹⁰².

В этом смысле отец Джуссани постоянно заботится о том, чтобы Движение было способно порождать взрослую личность. А почему отец Джуссани всегда об этом заботится, о чем он неустанно свидетельствовал? Потому что видит, насколько трудно порождать взрослых в вере людей. Проблема веры не преодолена нами, словно теперь это касается

¹⁰¹ Sant'Agostino, *L'Eucarestia: corpo della Chiesa*, Città Nuova Editrice, Roma 2000, p. 43

¹⁰² Иоанн Павел II, *Письмо отцу Джуссани по случаю 20-й годовщины папского признания Братства Comunione e Liberazione*, 11 февраля 2002 г.

других людей. Это всегда единственная забота отца Джуссани по отношению к нам: «Серьезная проблема – это трудность в возрастании взрослого человека. [...] Таким образом, общий облик нашего недостатка – это отсутствие личного аспекта веры. Их личность укоренена в культуре, в профессии, в темпераменте, но не в церковной вере (не интимистичной), и отсюда недостаток творчества, поскольку если нет человеческого субъекта, нет и действия»¹⁰³. Он озабочен этой трудностью порождения взрослых в вере личностей.

Но отец Джуссани не довольствуется лишь этой констатацией. Он ясно показывает, какова глубинная причина этой нехватки. «Причина этой ситуации – глубокий упадок метода. От воспитательного метода [Движения] остается лишь клетка из слов и формул, не хватает гениальности. Гениальность по отношению к методу словно иссякла»¹⁰⁴.

В чем состоит этот крайний упадок метода? «Итак, упадок метода можно описать следующим образом: мы, вошедшие на церковное и социальное поприще как те, кто утверждает, что христианство является опытом, сегодня [он говорил это в 1976 году, но, думаю, и сейчас это актуально] предпочитаем интеллектуализм опыту, и этот интеллектуализм сопровождается чрезмерным активизмом. И это очень плохо. Каждый из нас может сказать: «Движение – не моя жизнь», или лучше, «моя жизнь – это не Движение; Движение – это ряд условностей в моей жизни, поэтому оно не несет в себе никакого призыва» [...]. Идеологический консенсус вместо опыта жизни. Мы много делаем, у нас много инициатив, но мы не ищем их столкновения с нашей повседневной жизнью, в то время как повседневная жизнь – с присущим ей смирением и неизбежными страданиями, с конкретной и неустранимой ответственностью – сделала бы нас уравновешенными, более конкретными и менее рассеивающимися, сделала бы нас гораздо более верными [Джуссани настаивает на том, что вера может столь мощно влиять на повседневную жизнь, что мы можем ответить на серьезное возражение Павезе, на ту повседневную жизнь, которая сбивает с ног; без этого вера неспособна заинтересовать в первую очередь нас самих, а что уж говорить о других!]. Ум личности замещается интеллектуализмом массы, потому что ум, как говорил Фома Аквинский, действует, раскрываясь в опыте [это принципиально важно]. Ум раскрывается в опыте жизни: если нет опыта, то нет и ума; и тогда участие человека во всякого рода инициативах и его поведение перед лицом острых социальных проблем [...] является присутствием, в котором нет ума. Первое следствие

¹⁰³ Scuola responsabili, Collevalenza (Pg), 17-19 settembre 1976. Archivio CL

¹⁰⁴ Там же

этого – конформизм, наше присутствие характеризуется конформизмом, иными словами, отсутствует критический взгляд на вещи. Отсюда рождается такой способ судить обо всем, который, не будучи укорененным в опыте жизни перед Богом, является поверхностным и неустойчивым. Поэтому мы [довольствуясь этим положением] либо повторяем, либо следуем механически, глухо, либо критикуем в духе противоречия, всеми силами цепляясь за свое мнение, мы скованы, жалуемся и, негодуя или нет, отстраняемся и не участвуем. Это суждение, неспособное преодолеть субъективность собственных чувств, чтобы сотрудничать в созидании в единстве.

Второе следствие отсутствия ума – это отсутствие творческого порыва [...]. Мы подчиняемся привычке [...], так как творчество зависит от ощущения другой, новой жизни, которую мы чувствуем в себе [этому не нужно учиться в Гарварде, поскольку творчество рождается из жизни]. Поэтому Движение не становится жизнью каждого из нас, и [...] тогда общение между нами обретает вкус «невыносимой мирской заурядности» [это определение описывает некоторые наши разговоры]¹⁰⁵.

Но это совершенно не обескураживает Джуссани. Почему Господь позволяет этот упадок? Господь позволил нам пасть, для того чтобы позволить нам восстать в большей истине, с большим сознанием того факта, что только Он способен привести нашу жизнь на верный путь, только Он способен распространить пришествие Своего Царства. [...] Поэтому Господь позволяет нам совершать ошибки и грехи – странный, но самый драматически действенный метод, с педагогической точки зрения наиболее действенный для углубления сознания нашего отношения с Ним. Мы столь упорны в собственном самолюбии, что, не ощутив на опыте свою ограниченность, мы никогда не смогли бы истинно сказать: “Боже, Ты – всё” и “я – ничто”¹⁰⁶.

И поэтому мы можем обобщенно описать этот крайний упадок метода словами отца Джуссани: «Решительное господство интеллектуализма над опытом, над событием жизни». И эта ошибка имеет незамедлительное следствие: из интеллектуальной позиции не может родиться жизнь. «Это основной пункт Движения: человек не взрослеет, потому что наш метод в упадке; речь идет о методе опыта, участия в событии, а вовсе не о согласии с определенными словами»¹⁰⁷.

При такой логике несложно представить себе, что дальше начинается поиск виновных в ситуации (мы прекрасно знаем себя, не правда ли?),

¹⁰⁵ *Verso una vita di fede più matura*, a cura di Comunione e Liberazione, *pro manuscripto*, Milano 1976, pp. 8-9

¹⁰⁶ Там же, pp. 8, 10

¹⁰⁷ Scuola responsabili, Collevalenza (Pg), 17-19 settembre 1976. Archivio CL

начинаются попытки переложить на кого-нибудь и на Движение как организацию вину за такое положение дел. Но Джуссани безжалостно определяет истинного виновника ситуации: проблема в тебе и во мне, в каждом из нас. Вот что он говорит: «Принадлежать Движению – значит участвовать в изменении понимания самих себя и нашего отношения с другими. Движение состоит именно в этом, а не в том, чтобы иметь удобный инструмент для осуждения других. Мы должны избавиться от кого бы то ни было алиби, избегать ворчания на других, потому что проблема *в тебе*, и ничего кроме этого. Движение крайне нуждается в людях, которые взрослеют. А кто такой взрослый? Взрослый человек определяется тем, как он переживает отношения. Поэтому взрослый христианин – это тот, кто живет, стремится жить отношениями в свете веры (отношениями между мужем и женой, между родителями и детьми, в общине и вне ее).

Что значит переживать отношения в свете веры? Это значит, что взрослый человек стремится переживать отношения в свете этого Присутствия [охватившего нас], это и есть вера. Совсем необязательно взрослым является тот, кто говорит правильные слова, кто провозглашает метод, и даже не тот, кто отвечает за различные инициативы или решает то, что должны делать другие, так как не это его определяет. Взрослый человек – тот, кто стремится переживать отношения с людьми во Христе»¹⁰⁸, то есть позволяя этому Присутствию их охватить. Поэтому если это Присутствие не доминирует в его взгляде, в жизни как нечто реальное и присутствующее в настоящем, если это Присутствие не господствует над нашим отношением к реальности, то мы проживаем эти отношения, как все. Только тот, кто стремится переживать отношения – с самим собой, с близкими, с коллегами, с друзьями, с обстоятельствами – во Христе, то есть с присутствием Христа во взгляде, в сердце, только тот сможет увериться в победе Христа воскресшего. Этот опыт должен пережить каждый: мы не сумеем заменить его комментариями или мнениями о нем.

Джуссани продолжает: «Этот облик христианской жизни исполнен победы и отваги, потому что Христос – победитель. Христос воскрес здесь, во мне, в той среде, где я работаю, всюду, куда бы я ни пошел, у меня дома: Он воскрес! Я победитель, потому что победил [то есть воскрес] Тот, Кто обладает мной [...]. Это и есть *победа*, победившая мир, то есть нашу плоть, нашу незначительность [поскольку она облечена Его живым и реальным Присутствием]»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Giornata d'inizio anno di CL, Milano, 10 settembre 1977. Archivio CL

¹⁰⁹ Там же

Какой знак указывает на то, что вера переживается как опыт? Это тихая радость. Если эта победа не является переживаемым опытом, то в нас нет радости. Избежать этого невозможно. Мы можем наполнять наши собрания своими словами, но если в нас не хватает опыта победы Христа в нас, «мы не рады и ничего не меняем вокруг»¹¹⁰.

Цель этого стремления заключается в том, чтобы проживать все отношения во Христе, иными словами, проживать их, будучи погруженными в Его присутствие, это значит достичь того, что для Джуссани составляет взрослого человека: единства жизни (что противоположно раздробленности жизни, столь часто нас характеризующей). «Взрослый – это тот, кто достиг единства жизни, сознания своей судьбы, сознания своего смысла, стяжал энергию присоединения. Взрослому человеку свойственна привязанность и поэтому вкус к собственному смыслу»¹¹¹.

Отвечая на некоторое недопонимание, возникшее относительно значения личностного измерения веры, Джуссани вынужден сделать два замечания.

а) Личностное измерение веры вовсе не значит сосредоточение на своих личных проблемах или охлаждение миссионерского порыва. Поскольку «я смогу найти решение своих проблем, я разрешу их не тем, что приостановлю свое миссионерское посвящение», – заметил один наш друг. Напротив, как мы сказали выше, личностное измерение веры заключается в том, чтобы стремиться переживать все отношения, обстоятельства, вызовы и даже личные проблемы в свете присутствия Христа, позволяя, чтобы все это было охвачено Его присутствием. Более того, и даже прежде того, именно личные проблемы должны рассматриваться в свете достигшего нас Присутствия.

б) Однако если вера не являет свою уместность по отношению к нашим личным проблемам, то наша миссия – чистая самонадеянность. «В эти годы мы на самом деле были жертвами самонадеянности: думали, что Движение – это панацея для Церкви и Италии [общества] от всех бед. А это приводит меня к сути следующего наблюдения: если Движение не является опытом веры как того, что разрешает, освещает мои проблемы, то не могу предлагать его и другим [если опыт веры не проживается как то, что освещает наши проблемы, если вера не служит нам, мы самонадеянно судим всех!]. Предложение проходит через мою человечность, и

¹¹⁰ Convegno adulti, Varese, 19 maggio 1979. Archivio CL

¹¹¹ Consiglio di CL, Milano, 18-19 giugno 1977. Archivio CL

поэтому именно через мою отвечающую человечность, или через человечность, которой брошен вызов, Движение может стать предложением для всех. [...] Это правда, что нам доверена миссионерская задача по отношению к Церкви и Италии и по отношению к современному обществу, но только проходя через личностное переживание проблем [...], миссия действительно становится стоящим предложением. Миссионерский порыв – это благодарность, а иначе это самонадеянность»¹¹².

Итак, что значит личностное измерение веры? Это значит, что «все, что нам говорится и дается [предложение, которое нам делается], должно касаться жизни [жизни!]. И жизнь – это сердечная эмоция, головная боль, взгляд на вещи, любопытство по отношению ко всему, встречи с людьми, смех и слезы, энтузиазм и растерянность [прекрасное описание, помогающее «конкретизировать» тот факт, что, если вера не соотносится с потребностями жизни, она перестанет интересовать нас и станет бесполезной для всех]. В таком обществе, как наше, невозможно создать ничего нового иным путем, как при помощи самой жизни: ни одна структура, ни одна организация, ни одна серия инициатив не обладает для этого достаточной силой. Только посредством иной и новой жизни можно совершить переворот в структурах, инициативах, отношениях – во всем. И тогда жизнь – моя, непоколебимо моя [неповторимо моя]!»¹¹³

Итак, как же может осуществиться это личностное измерение веры? Необходимо, чтобы Христос довлел над всем. «Чтобы, когда мы едим и пьем, дружим, идем на работу, учимся, в отношениях любви с женщиной или мужчиной, в отношениях с детьми, с другими людьми, в общественной жизни, когда мы просто идем по улице, – чтобы это слово, зовущее нас по имени, никогда не забывалось, чтобы Христос, господствующий в нашем сердце, пронизывающий нашу жажду счастья, говоря: Я путь, истина и жизнь [никогда не забывался] [...]. В этом суть Движения. Словно жизнь Движения должна являться опытом более значительной причины для жизни, более того, единственной адекватной, всеобъемлющей причиной для жизни [...]. Движение помогает этой цели, и все. Оно помогает тебе быть самим собой»¹¹⁴.

Итак, какой же путь необходимо пройти, чтобы достичь личностного измерения веры?

¹¹² Centro di CL, Milano, 17 novembre 1977. Archivio CL

¹¹³ «Movimento, “regola” di libertà», in *CL litterae communionis*, n. 11, novembre 1978, p. 44

¹¹⁴ Giornata d’inizio anno di CL, Varese, 17 settembre 1978. Archivio CL

3. Метод личностного обретения веры – это следование

«Мы учимся жизни, следуя за тем, кто живет, – не потому что он лучше тебя! Он может быть в тысячу раз хуже тебя! Но он является примером метода, жизненной позиции, поведения. Мы следуем за примером, а не за речами. Потому что слова подвластны нашим толкованиями, в то время как следование за примером бросает вызов нашему образу действия»¹¹⁵.

Поэтому отец Джуссани постоянно указывал на следование как на путь к зрелости. «Есть только одно средство, друзья мои, научиться находиться перед присутствием, получать поддержку в вере вплоть до того, чтобы стать свидетельством, а не агитаторами или агитируемыми, как в организации: способ, при помощи которого мы учимся признавать и находиться перед присутствием, – следование»¹¹⁶. «Следовать – значит отождествляться с людьми, живущими верой с большей зрелостью, вовлекаться в живой опыт, который «передает» (*tradit*, традиция, предание) нам свой динамизм и вкус. Этот динамизм и вкус передаются не через рассуждения, не по какой-то определенной логике, но почти через осмотическое давление: это новое сердце сообщается нашему сердцу, это сердце другого начинает биться внутри нашей жизни»¹¹⁷. Речь идет не о рассуждениях, комментариях или шутках! Следование – это живой опыт!

Поэтому, как я написал вам в послании после Синода: «Следование – это желание пережить самому *опыт* человека, который однажды стал для тебя вызовом и остается таковым благодаря присутствию в жизни общины, это желание быть причастным жизни того человека, который несет в себе нечто Иное; и Иной, которому ты предан, является предметом твоих стремлений, твоим ориентиром в пути»¹¹⁸. Эти слова отца Джуссани останутся для нас постоянным критерием сравнения, позволяющим проверять, следуем мы или нет, то есть живем опытом или нет. И, слава Богу, отец Джуссани, как всегда, не просто дал нам это исчерпывающее объяснение следования, он также вынес суждение о распространенных среди нас представлениях о следовании, описав их ограничения, он отчаянно хотел помочь нам не терять время.

Итак, не претендуя на исчерпывающий характер описания, рассмотрим некоторые способы сведения следования к чему-то меньшему.

а) Первый способ сведения следования к чему-то меньшему – это его све-

¹¹⁵ Incontro dei preti di CL, Idice San Lazzaro (Bo), 7 gennaio 1980. Archivio CL

¹¹⁶ Giornata d'inizio anno di CL, Milano, 10 settembre 1977. Archivio CL

¹¹⁷ L. Giussani, *Dall'utopia alla presenza (1975-1978)*, Bur, Milano 2006, p. 59

¹¹⁸ L. Giussani, *Il rischio educativo. Come creazione di personalità e di storia*, op. cit. p. 64

дение к слушанию речей и повторению услышанных слов (в убеждении, что так мы следуем еще увереннее). «Однако это совсем не следование!»¹¹⁹ – говорит Джуссани. Дело в том, что я могу слушать и повторять то, что говорит другой, не вовлекая центр моего «я», то есть так, что центр моего «я» не затронут в своем истоке. И тогда предложение не рождает во мне ничего нового, не обновляет моего бытия. Но если бы мы спросили у того, кто стремится повторять или выучивать слова, какое понятие он использовал бы для описания того, что делает, он искренне ответил бы: «Это следование, я следую». Однако же это не так, это умаление следования, это не следование; повторять слова – не значит следовать.

«Вся наука мира, – говорил Даниелу, – может увеличить размеры клетки, в которой находится человек, но не позволит ему из нее выйти»¹²⁰. Это может позволить только опыт: «Следование – это отождествление и принятие, подражание – вот то самое слово, подражание конкретному и практическому выражению, конкретному образу действия, посредством которого тот, кто ведет общину, кто ведет Движение, выражает слова, которые он говорит!»¹²¹.

б) Второй тип умаления следования – это приравнивание следования к инициативам, собраниям, делам. «Движение родилось из определенного присутствия, которое предстало перед человеком как несомненный факт и вносило в жизнь обещание, призывавшее к следованию. Однако потом мы порекомендовали продолжение этого начала правильным словам и мероприятиям, собраниям и делам. Мы не доверили его нашей жизни, так что [и вот знак того, что это не следование] начало быстро перестало быть истиной, предложенной нашей личности, и превратилось в повод для создания организации, на которую можно переложить ответственность своей работы и от которой нужно ожидать разрешения наших проблем. То, что должно было стать принятием вызова и, следовательно, живым следованием, стало послушанием организации»¹²².

в) Третий тип умаления следования – это персонализм: мне кажется, что я следую, так как прилепляюсь к человеку. «Нет, – говорит Джуссани. – Следование – это отождествление с умом и сердцем [...], с образом жизни, соединяющим то, чем мы живем, с судьбой, которой является Христос! Поэтому следование – это такой способ восприятия, признания и ото-

¹¹⁹ Diaconia diocesana, Milano, 9 gennaio 1980. Archivio CL

¹²⁰ J. Daniélou, *Saggio sul mistero della storia*, Morcelliana, Brescia 2012, p. 136

¹²¹ Diaconia diocesana, Milano, 9 gennaio 1980. Archivio CL

¹²² L. Giussani, *Il rischio educativo. Come creazione di personalità e di storia*, op. cit., p. 63

ждествления с предложенными ценностями, то есть с предлагаемым опытом, который может быть сообщен через определенного человека, но мы следуем не за человеком, следование осуществляется не за человеком! Мы следуем за опытом, которым живет этот человек, поэтому следование не зависит от человека! А среди нас чрезвычайно легко найти тех, что привязался к нашей личности [он говорит о себе] и поэтому зависимы от нее. И самый яркий знак этого в том, что среди них не происходит следования, иными словами среди них не случается привязанности, общения, они не становятся событием, не становятся единством, событием, потому что [обратите внимание на причину, о которой говорит Джуссани] все привязаны к моей личности! Их может быть сто, привязанных ко мне... Это страшная беда, друзья!»¹²³ Мы могли бы сказать: «Что же может быть больше привязанности к личности отца Джуссани?». Поэтому особенно поражает, что отец Джуссани говорит об этом, указывая именно на привязанность к себе! Он утверждал, что те, кто говорит, что следует за ним, на самом деле за ним не следуют. И это видно из того, что, невзирая на их привязанность к нему, между ними ничего не происходило. Каждый «зависит» от отца Джуссани, «привязан» к нему, но никакой любви, никакого события между ними. Почему? И Джуссани отвечает: «Объединяет то, что каждый учится», то есть каждый проживает опыт того, за кем следует. Только так, а не просто договариваясь между собой, может происходить общение. Необходимо, чтобы каждый учился у отца Джуссани, вновь прожил его опыт.

Отец Джуссани оставил целый арсенал средств (тем, кто действительно хочет следовать) для помощи нам в трудностях, которые мы встречаем на своем пути.

И если сейчас мы вновь обратимся к тому пониманию следования, о котором сказали ранее, то увидим, что суть заключается в том, что во всех этих сведениях следования к чему-либо не хватает проживания опыта другого, того, кто нас поразил, то есть опыта отца Джуссани. Если мы не проходим путь, позволяющий нам лично получить тот же опыт, что переживает и тот, кто пробудил и пробуждает нас своим присутствием, тогда то, что нас в нем поразило, никогда не становится нашим.

Что позволяет мне понять, что я по-настоящему слеую? Тот факт, что я не довольствуюсь только тем, чтобы слушать и повторять, не останавливаюсь на организационной или формальной стороне жестов, на персоналистической привязанности к другому, но участвую в жизни того человека, который несет мне нечто Иное. Поскольку если, проживая опыт другого

¹²³ Consiglio Nazionale di CL, Idice San Lazzaro (Bo), 1-2 marzo 1980. Archivio CL

человека, я не достигаю этого Иного, являющегося предметом всех моих стремлений, Тем, кому предано мое сердце, моим ориентиром в пути, то со временем это следование перестанет иметь для меня значение, поскольку будет не в состоянии завладеть мной. Люди перестают верить, не потому что у них есть какие-то претензии к учению о Троице, а потому что они не проживают этот опыт в жизни, и однажды вера теряет свою разумность.

И об этих описанных нами ущербных воплощениях следования Евангелие свидетельствует на каждой странице. Ученики также стремятся персоналистично привязаться ко Христу: «Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы»¹²⁴.

А вот другой пример: «Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин [...]. [...] С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»¹²⁵. Иисус не позволяет, чтобы по отношению к Нему установилась персоналистическая привязанность: недостаточно, чтобы Петр привязался к Его личности; нужно, чтобы он участвовал в Его опыте, потому что, если Петр не повторит опыт Иисуса, он не сможет понять и принять замысел Бога об Иисусе.

То же самое происходит после умножения хлебов: все примыкают, привязываются к Нему вплоть до того, что хотят сделать его Царем. Но Иисус не уступает этому образу привязанности к Себе, ибо знает, что человеку недостаточно одного хлеба, что он нуждается в чем-то другом, и бросает им вызов: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни в себе. [...] Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною»¹²⁶. Иисус хочет подвигнуть их пережить Его опыт.

И когда Петр в Гефсиманском саду вынул свой меч и отсек ухо рабу первосвященника, Иисус сказал ему: «Возврати меч твой в его место, или

¹²⁴ Лк 13,25-27

¹²⁵ Мф 16,15-23

¹²⁶ Ин 6,53-57

думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?»¹²⁷. Иисус не принимает меньшего.

Что Иисус хотел передать ученикам? Он хотел, чтобы они поняли замысел Другого, чтобы и они смогли войти в него. Не приведя к Отцу, Иисус не открыл бы нам конечного источника Своей инаковости и не помог бы пережить Свой опыт. Мы можем перечитать все Евангелие и убедиться, что понимание следования, которое нам передает отец Джуссани, есть понимание самого Христа. «Иисус воспринимал Свою привлекательность для других не как то, что заканчивалось на Нем [привязать людей к Себе], но как то, что приводит к Отцу [к Другому, к которому стремится человек, которому предано мое сердце, к которому может привязаться мое сердце]: Он привязывает к Себе, чтобы привести к Отцу, являя Свое сознание и послушание»¹²⁸. Без истинного следования опыт Иисуса не может стать моим и опыт Джуссани не может стать моим, твоим, нашим. Но если этот опыт не станет нашим, мы остаемся одни наедине с нашим ничто. Поскольку, если мы не позволяем ввести себя в Тайну Бога, в которой заключен конечный смысл жизни, где мы можем найти соответствие нашему ожиданию, как мы можем противостоять жизни с ее драмами, вызовами и страданиями?

Поэтому если наше понимание следования ущербно, если мы не проживаем опыт того, кто нас поразил, то рано или поздно христианство перестанет нас интересовать. И речь идет не о стратегии. Речь о вере, потому что без следования мы не увидим человеческого соответствия веры, не сможем воспринять ее соответствие ожиданию нашего сердца. А когда я живу опытом того, кто меня поразил, знаком этого становится то, что я нахожу Иного, который является предметом моих стремлений, иными словами, проживаю опыт такого соответствия сердцу, которое подтверждает истинность моей веры. Поэтому я предан: с Иисусом, будучи привязанным к Иисусу, я все больше вхожу в Тайну. Иисус постоянно подвигает меня входить в Тайну Отца. Он пришел, чтобы воспитать нас к Тайне, чтобы привести нас к Отцу. И именно потому что мы созданы для этого, мы не можем лгать самим себе, и никто не может нас обмануть. Нас можно ненадолго отвлечь, но что-либо иное, не соответствуя нам, не удержит нас долго.

Если следование – это путь к личностному обретению веры, тогда, следуя, я все больше испытываю на опыте, что вера становится моей,

¹²⁷ Мф 26,52-53

¹²⁸ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, Marietti, Genova 1999, p. 129

как отношение со Христом все больше становится моим. Знаки этого – новизна и изменение жизни, рождающиеся из этого следования. Эти черты начинают определять мое лицо, мою личность, где бы я ни находился, дома или на работе, один или в компании, на каникулах или будучи вовлечен в проблемы, которые мне предстоит решить.

Поэтому мы не можем принять за опыт что-то иное: опыт – это место очевидности; если мы за него держимся, то не можем потеряться. Как говорит Льюис: «Я ценю в опыте его честность: ошибайся сколько угодно, но не смей зажмуриваться – и ты увидишь сигнал об опасности, прежде чем зайдешь слишком далеко. Обманывай себя сам, если хочешь, – чувства тебя не обманут. Покуда ты честно испытываешь вселенную, они тебя не подведут»¹²⁹.

Таково преимущество того, кто желает жить, так как имеет в собственном опыте знаки достигшей его истины; ибо опыт обладает такой очевидностью, что, даже борясь с ним, ты не можешь его устранить, он сохраняется. Поэтому никакой персонализм, предрассудок, никакое толкование, умаление невозможно спутать с опытом соответствия, с отношением с Другим, которого ты желаешь, к которому стремишься. И мы это прекрасно знаем. Поэтому каждый из нас должен заглянуть в себя и решить, послушаться опыта или нет. А что же такое послушание? «Крайняя форма послушания – это следование за открытием самих себя, открытием, которое делается в свете слова и примера другого человека»¹³⁰, потому что ты поражен другим. Открытие себя, пробужденное опытом другого, – это событие, которое абсолютно невозможно свести к чему бы то ни было. Мы можем делать все, что хотим, можем лгать, сколько хотим, но это событие не в нашей власти.

Поэтому отец Джуссани выражает вызов словом «следование».

4. Присутствие

Изменение, производимое в нас этим следованием, делает нас *присутствием*.

«*Быть присутствием*, такова наша конечная категория. Быть присутствием, каким бы ни был наш темперамент и независимо от тех дарований, которые у нас есть [...], – это значит иметь иной способ пребывания внутри ситуации (поскольку мы живем только внутри отношений – к

¹²⁹ К.С. Льюис, *Настигнут радостью*

¹³⁰ Л. Джуссани, *Можно ли жить так?*, цит., стр. 130

девушке, к друзьям, к родителям, к университетскому курсу, где мы учимся, к книге, которую нужно читать) в конкретный культурный и политический момент истории. Присутствовать в ситуации [посмотрите, какие впечатляющие слова] значит находиться в ней так, чтобы волновать ее до такой степени, что если бы тебя не было, то все это заметили бы. Там, где ты будешь, другие станут злиться или восхищаться тобой либо покажутся тебе равнодушными, но не смогут не признать твоей «инаковости». Быть присутствием значит находиться внутри ситуации, делая Христа событием своей личности. [...] Мы по-настоящему благовествуем [и это решающий момент!] через то, что Христос взволновал в нашей жизни, мы возвещаем через то волнение, которое Христос совершает в нас: *мы делаем Христа присутствующим через то изменение, которое Он совершает в нас. Это понятие свидетельства*. Мы легко используем слово «присутствие», но присутствие – это прежде всего чудесное, чарующее волнение, которое пробуждает дружба, возникающая между нами ради Христа (дружба, способная на тихую радость и ликование, невозможную радость)¹³¹.

Нам напомнил об этом Папа Франциск: «Я спрашиваю себя: где же первые ученики находили силу для этого свидетельства? [...] Их вера основывалась на столь мощном и личном опыте умершего и воскресшего Христа, что они не боялись никого и ничего [...]. Когда человек истинно познает Иисуса Христа и верит в Него, ощущает Его присутствие в жизни и силу Его Воскресения, то он не может не делиться этим опытом»¹³².

Таким образом мы волнуем окружающую среду только через изменение, которое Он производит в нас. Именно то, что мы позволяем Ему нас изменять, делает нас свидетелями, как говорит Даниелу: «Свидетельство – это явление божественного действия именно там, где нет особенной щедрости. Героизм показывает то, что может сделать человек. Святость показывает то, что может сделать Бог»¹³³.

Мы желаем себе в любой ситуации стать именно вторжением, описанным Джулианом Грином: «Я подумал сегодня о шуме, о тысячах бесполезных слов, о шуме дороги, адском шуме, угнетающем шуме, о телефонных звонках и так далее, обо всем, что образует ткань нашего дня, и, среди хаоса, спокойными жестами и словами, которые никогда не меняются, человек производит чудо снисхождения Бога к нам. Это вторжение

¹³¹ L. Giussani, *Un avvenimento di vita, cioè una storia*, Edit Editoriale italiana-Il Sabato, Roma 1993, pp. 345-346

¹³² Папа Франциск, *Regina Coeli*, 14 апреля 2013 г.

¹³³ J. Daniélou, *Saggio sul mistero della storia*, op. cit., p. 128

веры [...], вторжение бесконечности в наше искусственное время»¹³⁴.

И это то, чего все ждут, как напоминает нам отец Джуссани: «Не хватает не столько повторения возвещения на словах или на уровне культуры [то есть интеллектуализации веры или речей]. Сегодняшний человек, возможно, неосознанно ждет опыта встречи с людьми, для которых факт Христа является столь присутствующей реальностью, что их жизнь меняется. Эта человеческая встреча может сотрясти современного человека: это событие является эхом изначального события, когда Иисус поднял глаза и сказал: “Закхей, сойди с дерева, Я иду в твой дом”»¹³⁵. И как если бы не было двух тысяч лет истории, сегодня мы можем пережить тот же опыт Закхея. Сегодня мы свидетельствуем всем, что Христос присутствует через то изменение, которое мы с удивлением открываем в себе.

«Тогда повседневность вдруг становится насыщенной и простертой к своей истинной сути, а истинная суть повседневности – это отношение с Бесконечностью [...]. Мгновение за мгновением повседневность является отношением с этим присутствием. [...] Присутствие Христа в повседневности жизни все больше включает в себя биение сердца: взволнованность от Его присутствия становится взволнованностью в нашей повседневной жизни и все больше освещает, умиляет, делает нежным уровень повседневной жизни. Нет ничего бесполезного, ничего постороннего, потому что нет ничего постороннего для твоей судьбы, и поэтому нет ничего, к чему нельзя привязаться, мы привязываемся ко всему; рождается привязанность ко всему, ко всему, со всеми чудесными последствиями, проявляющимися в уважении к тому, что ты делаешь, в точности в том, что делаешь, в той верности конкретному делу, упорстве по достижению цели; ты становишься более неутомимым»¹³⁶.

«Каждый его жест, – говорит Верфель, – каждая улыбка были исполнены этой бесконечности, которую не нужно было называть по имени»¹³⁷, настолько это было очевидно.

Поэтому, если Христа делает присутствующим это изменение, необходимо очистить понятие присутствия от определенных ассоциаций, сопутствующих его определению, на что указывает отец Джуссани: «После собрания ответственных «Студенческой молодежи» 1976 года под названием «От утопии к присутствию» был проделан путь, побуждающий нас сегодня все глубже и глубже проникать в понятие присутствия. Необходимо проникать в него глубже, еще глубже. [...] Присутствие – это

¹³⁴ J. Green, *L'espatriato. Diario 1984-1990*, Mursia, Milano 1992, p. 68

¹³⁵ L. Giussani, *L'avvenimento cristiano*, Bur, Milano 2003, pp. 23-24

¹³⁶ L. Giussani, *Un evento reale nella vita dell'uomo...*, op. cit., pp. 101-104

¹³⁷ F. Werfel, *Barbara*, Corbaccio, Milano 2000, p. 52

тема, совпадающая с твоим «я». Присутствие рождается и состоит в личности. [...] И человека как автора и протагониста присутствия определяет ясность веры, та ясность сознания, которая называется верой [...]. Все присутствие состоит в личности, рождается и состоит в личности, а личность – это понимание реальности вплоть до достижения конечного горизонта»¹³⁸.

Как личностное обретение веры не приводит нас к интимизму или к остановке миссионерского порыва, так же и сосредоточение присутствия в личности не состоит в противопоставлении «общественного» и «частного» как сокращение присутствия, концентрация на самом себе. Напротив, это глубокое переосмысление согласно изначальному пониманию Движения. Иными словами, утверждать, что присутствие целиком состоит в личности, не значит отделить или противопоставить частную интимную сферу общественной (этого противопоставления не существует!), но значит указать исконное место всякого изменения, источник, производящий плод, чье расширение наполняет историю согласно замыслу Бога, а не нашим планам. Все остальное – иллюзия, обман, пустая трата времени. Личность не является «частным» в противопоставлении «общественному» (это мирские и умаляющие категории, совершенно неприменимые к жизни веры). Изменение личности и существование настоящей христианской общины имеют историческую ценность.

«Не мы определяем сроки истории. Нам надлежит жить присутствием: от нас требуется абсолютное доверие Бесконечности, вошедшей в нашу жизнь и сразу открывшейся нам как новая человечность, как дружба, как общение. «Не бойся, малое стадо, Я победил мир». «Вот победа, которая торжествует над миром: наша вера». Нашей вере понадобится семь, восемь, девять веков, чтобы весь университетский мир был объят христианским присутствием? Не нам это подсчитывать. Университет важен нам для созидания нашего «я», а не для заявлений «мы победили». [...] Мы должны оставить это идеологическое толкование университетской жизни, порождающее тягостную и изнуряющую работу, из-за которой столь многие уходят. Но никто не уходит от новой человечности, если это не дьявольский и жестокий бунт»¹³⁹.

Но это не значит ничего не делать. Это значит с простотой, без претензии и гегемонических притязаний начинать с нового предложения жестов и мест, где может возрастать человеческий субъект; так, чтобы у

¹³⁸ L. Giussani, *Un evento reale nella vita dell'uomo...*, op. cit., pp. 142-143

¹³⁹ L. Giussani, *Dall'utopia alla presenza*, op. cit., pp. 68-69

тех, кто нас видит, рождалось желание идти с нами из-за того очарования жизни, которое они видят.

«Умножать и расширять христианскую общину в той среде, где мы живем. В этом заключается наша помощь собратьям людям, открытым к тому, чтобы оценить также бесконечно малое начало, которое проявляет в нас интуиция других, готовых сотрудничать со всяким фактом, который в свете веры предстает нам справедливым. Истинный субъект этого приключения, этого исторического вклада – это *личность*, поскольку она принадлежит *общению*. Так родилось наше название “Общение и освобождение”»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ L. Giussani, *Un avvenimento di vita, cioè una storia*, op. cit., p. 345

Воскресенье 21 апреля, утро

На входе и выходе:

Сергей Рахманинов, концерт для фортепиано с оркестром п. 2 в до минор, оп. 18

Святослав Рихтер, фортепиано

Станислав Висловский – Варшавский филармонический оркестр

“Spirto Gentil” п. 8, Deutsche Grammophon

Отец Пино: «Иисус посмотрел на него, и тот прозрел»¹⁴¹. Чем является молитва «Ангелус», если не тем моментом в течение дня, когда мы осознаем инициативу воплотившейся Тайны Христа по отношению к каждому из нас. Без этой инициативы есть только сумбур наших представлений. Осознавая и принимая Его инициативу, мы становимся главными действующими лицами в мире.

«Ангелус»

Утренняя молитва

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери: Сегодняшнее собрание имеет целью определить некоторые пункты, которые могут помочь нам в пути ближайших месяцев, поскольку у нас еще будет возможность вместе работать над этими Упражнениями.

В первый вечер Каррон бросил нам вызов, повторив вопрос Иисуса: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?». Мы почувствовали, что вопрос был задан каждому из нас, не только в эсхатологическом значении, мы оказались обезоруженными перед лицом ежедневно проживаемого опыта, так как это «придя» происходит сейчас. И существует риск, что этот вызов Иисуса, являющийся объятием, превратится в нас в сомнение и интеллектуализм. В некотором смысле это и произошло, судя по вопросам, заданным в результате работы в гостиницах. Нам кажется полезным вновь предложить, пусть в критическом ключе, некоторые из этих вопросов, в большинстве своем относившихся ко второй лекции и фокусировавшихся на затруднении в ответе на

¹⁴¹ Sant'Agostino, *Discorso* 174, 4.4

событие, при том что само событие воспринимается как само собой разумеющееся.

Первый вопрос. Отождествляясь со Христом, мы познаем Закхея; кажется, что для этого логичнее должно быть отождествление с Закхеем. Как возможно отождествляться с Христом, переживать Его опыт? Сама мысль о том, чтобы проживать опыт Христа, приводит в трепет.

Хулиан Каррон: Это пример весьма распространенного среди нас преобладания интеллектуализма относительно опыта, потому что достаточно было бы исходить из опыта каждого из нас, чтобы просто ответить на этот вопрос. Но мы, «современные» люди, услышав некоторые слова, сразу наделяем их современным значением.

Что для нас значит отождествляться со Христом? «Представлять себе», как Он делает. И как же мы можем быть уверены, что правильно представляем? Как не свести Христа к воображаемым нами образам? Кто гарантирует мне проживание такого же опыта? Это опасение абсолютно понятно. Однако если бы мы следовали за тем, что говорит нам отец Джуссани (постоянно нас исправляя), а именно, что реальность проясняется в опыте (в нашем опыте), все было бы проще. Действительно, только через свой собственный опыт мы можем отождествиться с тем, что проживает другой.

Какой опыт мы пережили, столкнувшись с Движением? Когда кто-то встречает Движение, когда видит то, что его поражает, он не должен ничего себе представлять: он принимает ответный удар того, что видит перед собой. Именно об этом, о перевороте метода, произошедшего с христианством, говорил нам отец Джуссани. И это первое, что почувствовали Иоанн и Андрей или Закхей: удар инаковости. Им не пришлось ничего себе представлять, они должны были лишь просто принять ответный удар неповторимой инаковости, столь уникальной, столь необычной, столь исключительной, что было очень просто прилипнуть к этому Присутствию. Это столкновение с чем-то, что проистекает не от нас, что мы не можем сотворить. Скажите, разве это трудно? Но когда люди встречают нас, – как в тех примерах, что я приводил с собрания в Ломбардии – это то же самое: они никогда не видели, чтобы люди так проводили время вместе. Поэтому директор ресторана в конце праздника благодарит за него. Почему? Что он увидел? Ему не пришлось производить самоанализ! Дело не в этом. Он был поражен тем, как эти люди вместе проводили время. Когда директор ресторана поражен, это означает, что имеет место нечто действительно иное, ведь он постоянно видит свадебные банкеты! Вчера я также рассказал вам о впечатлении человека, присутствовавшего

на похоронах одного из наших друзей, о том, как он был поражен увиденным. Сколько раз он был на похоронах? Но чтобы сказать, что «такая смерть даже прекрасна», необходимо находиться перед чем-то несслыханным и необъятным, что не является плодом нашего усилия, нашей деятельности или тем, что мы можем сделать сами. Итак, для отождествления со Христом необходим подобный опыт.

Вера всегда касается того, что происходит вне нас, ее источник находится вне нас, зависит от чего-то, что производим не мы, что рождается из того, с чем мы сталкиваемся. Поэтому отец Джуссани говорит: «Смотрите на то, что с вами произошло», потому что именно так вас захватил Христос. Итак, лишь исходя из опыта в настоящем, мы можем отождествиться со Христом, не сводя Его к нашим мерам. А опыт в настоящем является опытом того взгляда, которым Христос посмотрел на нас и продолжает смотреть. И когда мы оказываемся перед кем-то, кто смотрит на нас по-иному, как никто никогда на нас не смотрел, мы этому поражаемся. Каждый должен отыскать в своем собственном опыте, когда это произошло, для понимания, что значит отождествиться со Христом, чтобы не сводить все к воображению. Христианство – это не воображение!

Теперь я понимаю, почему мы часто не чувствуем жгучей потребности постоянно перечитывать Джуссани или Евангелие: мы не нуждаемся в этом. Мы ограничиваемся своими мыслями, своими попытками, своими представлениями, неспособными дать нам даже миг тихой радости. Отец Джуссани же постоянно свидетельствует о том, что он не может жить без Христа! Мы должны решить, хотим ли мы следовать за ним, чтобы проживать такой же опыт, или хотим все свести к своей мере.

Давиде Проспери: Зачитаю два вопроса, так как они дополняют друг друга.

Сегодня ты говорил об отчаянном стремлении произносить Его имя в каждое мгновение жизни. Как можно жить этим в повседневной жизни, чтобы этот опыт был не ограничивающим, а свободным и умиротворяющим действием?

Признавать событие просто, как это снова произошло для меня сегодня. Как сосуществуют вместе эта простота и путь, требующий полного вовлечения, для того чтобы уловить истинный смысл, который часто не кажется мне простым?

Хулиан Каррон: Видите? Когда мы рассказываем об опыте, это чрезвычайно просто: «Признавать событие просто, как это снова произошло для меня сегодня». Отрываясь от опыта, мы начинаем все усложнять и уже не знаем, о чем говорим. Вот это и есть преобладание интеллектуа-

лизма: мы запутываемся в словах и не знаем, о чем говорим. Отец Джусани утверждает, что если мы постоянно не исходим из опыта, то нас неизбежно охватывает смятение.

Итак, посмотрим в лицо и этим вопросам. Подумаем об опыте влюбленности. Для того, кто влюбляется, это не значит сказать: «Теперь посвящаю себя созерцанию его или ее лица и ничего не делаю». Нет! Именно из-за того что это произошло, это присутствие настолько наполняет жизнь, что речь идет об обратном: как можно делать все, жить повседневностью, не ощущая в себе постоянную потребность в ней или в нем? Скажите, как это возможно! Неотложная потребность в другом не является моим титаническим усилием, нет! Это то, что я открываю в себе. И именно поэтому осознаю, что со мной произошло, какое присутствие объяло мою жизнь: я не могу прожить и мига (даже когда еду в метро, когда одеваюсь утром, когда обедаю), не имея в себе отчаянного стремления произносить его или ее имя. Это стремление, эта неотложная потребность, которую я обнаруживаю в себе, которая довлеет надо мной – память о нем или о ней: именно это и есть преобладание присутствия. Что случается, когда в какой-то момент этого больше не происходит? Это не значит, что человек решил больше не думать о нем или о ней, просто потому что у него много дел. И раньше у него было множество дел, но было невозможно избежать этого присутствия, невозможно избежать его преобладания! Когда этого больше не происходит, это не означает, что он или она исчезли с лица земли: он или она все еще здесь, но нет преобладания этого присутствия, определяющего жизнь. Поэтому я говорю, – прежде всего самому себе – самая серьезная проблема заключается в том, что мы не ощущаем нехватки Христа! Мы можем объяснить это какими угодно способами, но проблема в том, что мы часто не ощущаем нехватки Христа. И дело не в том, что мы ограниченные, совершаем ошибки, – все это так, поскольку в жизни все бывает – дело в том, что мы больше не ощущаем нехватки Христа. Мы встретили того, кто, обедая с друзьями, не мог не чувствовать этого отчаянного стремления произносить Его имя. Тогда «отчаянное стремление» и «вовлеченность» – одно и то же: после встречи с Ним я чувствую неотложную потребность в Нем, мне Его не хватает! Если я не тоскую по Нему, то никакой морализм мне не поможет.

Итак, как может это отчаянное стремление произносить Его имя стать свободным и умиротворяющим действием? Однако суть в том, что все наоборот: как, не делая этого, вы можете быть свободными внутри всех проблем в течение дня?! Как вы можете жить в мире?! Как мы можем становиться все свободнее среди всего, что мы должны сделать, если не тоскуем по Нему, если Он не наполняет все Своим присутствием?

А некоторые, когда я об этом говорю, считают, что «это интимизм». Ничего подобного! Ответьте себе, является ли это интимизмом или знаком того, что Христос что-то значит в жизни! Вера заключается в том, что я нуждаюсь в признании Его, чтобы жить. И проблема веры нами еще не преодолена, это проблема нашей повседневности. Что означает Его присутствие для нас сейчас?

Давиде Проспери: Это связано со следующим вопросом: что значит ожидать всего от факта Христа?

Хулиан Каррон: Каждый должен задать себе этот вопрос, так как лишь тот, кто встретил Христа, знает, чего можно от этого ожидать. Чем является для нас Христос? Человеком среди прочих? Как сказал один наш друг, которого я процитировал: «Это вопрос ценности». Иисус является Тем, Кто для меня ценнее всех остальных, или нет? Что я испытал во встрече со Христом? На этот вопрос необходимо ответить, поскольку в жизни случается что угодно: мы ошибаемся, бываем рассеянны, думаем, что теряем лучшее, как блудный сын, и – как он – уходим из дома искать то, что считаем большим свершением своей судьбы. И когда мы живем ради чего-то другого, что Им не является, то можем увидеть, что происходит, как увидел это блудный сын! Почему он вспомнил о своем отце, о своем доме? Чего он ожидает, после того как прожил все, что прожил, после того как всюду искал удовлетворения? С отцом он испытал иной, ни с чем не сравнимый опыт, как мы со Христом. Чего же ожидает сын? Он ожидает того, что уже пережил и чего иначе не узнал бы, о чем мы даже не знали до встречи. Поэтому, как говорил отец Джуссани, люди могут уйти, но произошедший факт нельзя перечеркнуть. И поэтому Христос может бросить вызов всем нам: «Сравните с чем угодно и скажите, найдете ли вы что-либо, больше соответствующее вам, чем Я, больше того, что вы испытали во встрече со Мной!». И тогда человек может увидеть, что нет ничего, никакого иного присутствия, иного способа проживать жизнь, который больше соответствовал бы ожиданию его сердца. Это проверка веры. Мы замечаем это, прежде всего, не потому что мы молодцы или больше не делаем глупости, как другие, не потому что мы не рассеяны, но потому что чем больше человек отдаляется, тем больше осознает, чего ему не хватает, если он уходит. Тогда человек ожидает, что Христос все больше станет всем для него; с болью, начиная вновь, хромя, но не уходя, не идя по другому пути, как говорил Элиот. Итак, именно этот вопрос мы все должны задать себе: ожидаем ли мы всего от Христа? Я ожидаю всего от Тебя, Христе? Это вопрос не о том, «в состоянии ли я», «на высоте ли я». Речь не об этом, а о вопросе Иисуса, заданном Им Петру: «Любишь ли

ты Меня? Я не спрашиваю, молодец ли ты, не спрашиваю, предашь ли ты Меня завтра. Я спрашиваю тебя: любишь ли ты Меня больше чего бы то ни было? Важно ли для тебя Мое присутствие больше чего бы то ни было? Ожидаешь ли ты всего от Меня? Или Я одно из многого в твоей жизни? От чего ты ожидаешь исполнения своей жизни?» Если для нас Христос, в конечном счете, лишь что-то среди прочего, многочисленных прочих вещей, мы ответим: «Да, конечно, но не будем преувеличивать!». Для того чтобы Христос мог стать всем, вопрос веры должен быть таков: «Жду ли я всего от Христа?». Вера – это не составление списка истин, к которым мы присоединяемся, поскольку эти истины часто воспринимаются как череда абстракций. Суть в том, что истина стала плотью, красота, счастье стали плотью. Суть в том, является ли для нас Христос этим событием. Иначе мы уже вне игры, но не потому что непоследовательны; обратите внимание, что мытари были гораздо непоследовательнее, тем не менее они постоянно к Нему возвращались. Это проблема оценки, проблема суждения. Здесь нет ничего сентиментального или моралистичного. Кем является Христос для жизни каждого из нас? Все дело в суждении.

Давиде Проспери: Два других связанных между собой вопроса.

Легко признать объективность Христа две тысячи лет назад. А вот что касается объективности Христа сегодня, то здесь существует большой риск следовать за нашими представлениями о Боге. Что освобождает нас от этого риска?

Даже Петр испытал искушение персонализма, но затем действительно познал Христа. Где находится эта тонкая грань между следованием за присутствием и следованием за человеком? И почему эта разница столь важна?

Хулиан Каррон: Видите, что это не только наша проблема? Петр поддавался искушению следовать за своим представлением о Боге или за своим представлением об Иисусе (о том, что Иисусу лучше подходило); об этом свидетельствует Евангелие, как мы видели это вчера. Это неизбежно в нас, говорит отец Джуссани, неизбежно, что человек, едва что-то узнав, создает себе определенный образ, представление об этом; и мы не должны этого пугаться. Настоящая проблема в том, чтобы, оказавшись, как Петр, перед такой несводимостью к чему-то меньшему, как у Христа, мы уступили. И Петр, сразу после похвалы Иисуса за то, что исповедал Его Христом, тут же услышал Его упреки: «Ты не думаешь, как Бог!». И Петр создал себе представление о Боге. Кто постоянно освобождает нас от этого? Сегодня, как и две тысячи лет назад, вопрос заключается именно в этом. Нас освобождает только это ни к чему не сводимое Присут-

ствии. Поэтому христианская вера невозможна без некоей объективности перед нами, без чего-то, что находится за пределами меня самого, с чем я сталкиваюсь, что не могу свести к своим образам, представлениям, своему чувству, реакции, толкованию.

Христианская вера всегда будет этим столкновением с Присутствием, освобождающим тебя от твоих мерок, освобождающим тебя из твоей клетки, из твоего бункера (как говорит Бенедикт XVI). Христианство пребывает в истории, так как продолжает происходить Его Присутствие и поэтому освобождение от меня самого, от этой клетки, от моего бункера, потому что я могу окопаться в своих толкованиях и мыслях и могу задохнуться. Как я понимаю, что Христос присутствует? Потому что переживаю такой опыт освобождения, свободы дыхания, что говорю: «Вот Он!». Как тот человек, сказавший: «Это событие вновь произошло вчера». Сколько раз, находясь вместе, участвуя в чем-то, перед лицом какого-то свидетельства, перед тем, что происходит, мы вдруг чувствуем освобождение! Мы знаем, что Христос присутствует, не потому что говорим об этом, а потому что обнаруживаем, что в нас происходит это освобождение от нашей меры, освобождение от удушья, от клетки. И тогда пробуждается такое огромное удивление, что человек говорит: «Благодарю Тебя, Христе, что Ты есть сегодня, что Ты присутствуешь среди нас, в Твоем теле, которое есть Церковь, в Твоей исторической видимости, несводимой ко всем моим меркам».

Пусть каждый подумает, случилось ли что-нибудь для него за эти три дня: каким он приехал, и изменилось ли что-нибудь. Как кто-то написал: человек приезжает сюда озабоченным, погруженным в путаницу своих дел и оказывается перед лицом чего-то не сводимого к своим меркам; не потому что мы говорим о работе, о том, что он оставил дома, нет! Потому что он погружается в какую-то несводимость к чему-то меньшему. А иначе зачем мы сюда приезжаем? Зачем, если не ради этого, нам быть христианами? Зачем, если не для этого, принадлежать Движению? Все наше старание для того, чтобы Движение стало местом, где вновь происходит освобождение. Это не организация или агентство или неправительственная организация, как говорил Папа Франциск, но место, где происходит обновление моего «я», чтобы я смог вернуться домой изменившимся. Тогда быть освобожденными – это жить христианством как событием. Мы можем вновь его проживать согласно его природе, только если оно вновь случается как событие. Иначе оно теряет всякую значимость. Напротив, если оно происходит снова и снова, тогда человек все больше привязывается и находит все больше причин. Поэтому мы постоянно повторяли слова Джуссани о том, что если христианство не

является присутствующим опытом, в котором я нахожу подтверждение того, что оно отвечает на потребности жизни, то вера не сможет устоять в мире, где все утверждает обратное. Наша проблема именно в этом. Поэтому Джуссани настаивает на обличении всех умалений по отношению к Движению или следованию, о которых мы говорили в эти дни. Все это не ради аналитического интереса или чтобы в чем-то нас упрекнуть, но чтобы спасти нас! Так как все эти варианты никогда не станут христианством, это никогда не станет Движением. И Движение будет и является тем, что представляет собой ответный удар начала, даже с такими слабыми людьми, как мы: нас освободил ответный удар начала. Если это не так, то со временем Движение перестанет нас интересовать.

Давиде Проспери: В последних двух вопросах говорится об определенных формах опыта Движения, однако они поднимают проблемы, которые относятся ко всем.

После важного опыта в университетской общине Движения я вернулся домой и столкнулся с большими трудностями в местной общине, жизнь в которой, на мой взгляд, сильно отличается от того, чем я жил в университете. Мне говорят, что я просто не могу оценить то, что есть. Когда Каррон говорит, что проблема моя, он имеет в виду эту ситуацию? Что значит в этих условиях следование?

Хулиан Каррон: Первое, что необходимо сказать: Братство одно и Движение одно, как Церковь одна. Необходимо открыть окна общин, групп Братства, потому что, если в каждой группе Братства и в каждой общине Движения не циркулирует воздух всего Братства, становится душно, как становится душной любая группа друзей. Сегодня никто, какой бы ни была его ситуация, не может не иметь доступа ко всему богатству жизни Движения, даже если находится в самом затерянном уголке мира. Таким образом все, чем является жизнь Движения, доходит и туда. В конце первой лекции я привел сравнение с Церковью. Этот тип самосоотнесенности каждой общины на самом деле может произойти и по отношению к Движению; и нельзя справиться с этой ошибкой, изменив стратегию. Нет! Чтобы побудить апостолов выйти из своих ограничений, Христос не менял стратегии, Он отдал за них жизнь, Он умер и воскрес за них. Необходимо согласиться участвовать во всецелности жизни Церкви, которая сообщается нам не только за совместными обедами, так как жизнь Церкви гораздо богаче всех наших начинаний, и если мы сведем нашу компанию к своим начинаниям, то куда мы идем? Если у нас нет дыхания всей Церкви и если мы не чувствуем всего порыва участия в этой объективности, которая гораздо больше нас, которая нас прощает,

постоянно питает нас в Евхаристии, предлагает нам богатство Своего свидетельства и Своей компании, как мы можем не погибнуть? Я подчеркиваю это, поскольку то, что происходит с Церковью, происходит и с Движением. Если в каждой группе Братства, в каждой общине жизнь не открыта этой всецельности, мы задыхаемся. У каждого есть все необходимое, чтобы жить там, где он находится. «Вы не имеете недостатка ни в каком даровании»¹⁴², – говорил святой Павел общине Коринфа, в которой тогда было «три калеки». «Не имеете недостатка ни в каком даровании». И поэтому нет ничего, что помешало бы человеку в любой ситуации, в любой общине, в любом месте: он сможет оценить даже все, что есть, не сводя общину только к тому, что есть, но распахивая ее этой всецельности. Ты можешь прийти в свою общину со всем богатством того, что ты прожил в студенческой общине Движения и волновать ее, благодаря произошедшему в тебе волнению. Если это волнение может происходить в сфере работы, оно может происходить и в наших общинах. Будем надеяться, что кто-то будет продолжать волновать общину. Иначе для нас все кончено! Поэтому никто не мешает нам жить, в какую бы ситуацию ни поместила нас Тайна.

Давиде Проспери: Ты сказал, что событие порождается не нашими действиями. Однако Движение призывает нас к жестам (каритатива, палатки Avsi, сбор продуктов для нуждающихся и т.д.), которые являются воспитательными инструментами Движения. Как не свести эту деятельность к активизму?

Хулиан Каррон: То, что с нами произошло, не было плодом наших дел. Событие порождается не нашими делами, и с самого начала оно было порождено не нашим действием. Мы столкнулись с чем-то иным, с тем, что мы не создавали и что изменило нашу жизнь. Все, что мы делаем, все наши жесты являются выражением этой новизны, принесенной Движением, новизны, принесенной Христом в нашу жизнь. Проблема появляется тогда, когда жесты, вместо того чтобы быть выражением этой новизны, становятся делами. Это хорошо знают все женщины. Выходя замуж, они хотят иметь красивый дом, содержать его в порядке, готовить вкусные обеды, чтобы дом стал местом, куда хочется вернуться. Почему они это делают? Благодаря все наполняющему собой воодушевлению от того, что произошло. И тогда каждый жест – это выражение любви, страсти к жизни своей семьи. Какое несчастье, если все это теряется и превращается в «дела»! То, что было выражением любви, становится жалобой: «Я

¹⁴² 1Кор 1,7

должна еще и это делать? Ты вечно уезжаешь, а я тут убираюсь!». Этот упрек может быть справедливым, не спорю! Пусть мужья не оправдывают себя этим, так как то же самое происходит и с мужьями!

Жесты могут быть выражением события, выражением любви, страсти либо сводиться к делам, которые нужно сделать. Вместо того чтобы постоянно порождать отношение, быть выражением отношения и облегчать этим укрепление отношения, они становятся лишь делами, которые нужно сделать.

Итак, всегда существует риск свести все либо к активизму, либо к интимизму. Самый яркий пример этого губительного противопоставления – история Марфы и Марии. Марфа находит себе дела и много дел! Кто из нас не почел бы за честь что-то сделать для Иисуса, иметь Его гостем в своем доме? Но человек может принимать дома Иисуса, иметь счастье служить Ему и при этом жаловаться! «Посмотри, Мария мне не помогает!» Побеждает жалоба. И тогда, отвечая Марфе: «Одно только нужно», Иисус не говорит, что созерцание лучше дел, Он показывает, что Марфа не понимает, что, чем бы она ни занималась, во всем должен господствовать факт Христа, факт, что ей дарована честь находиться рядом с Ним, что все для Него. Иисус говорит это не для того, чтобы ее упрекнуть. «Если ты этого не осознаешь, дорогая Марфа, тебе не хватит твоих дел, и это видно из того, что ты жалуешься».

Когда отец Джуссани приглашает нас не поддаваться активизму, то не потому что он хочет, чтобы мы отказались от дел; и когда мы об этом говорим, то не стремимся предпочесть интимизм активизму. Нет, не поймите неправильно! Дело в том, что, когда деятельность не проживается согласно своей истинной природе, она провоцирует в нас жалобы, ибо не является выражением любви, не помогает помнить об этой любви, не позволяет мне осознать эту любовь. Ведь даже если бы мы были «интимистами» в этой истории и не признавали Христа, то результатом стала бы та же жалоба!

Проблема заключается не в выборе между активизмом или интимизмом, а в том, преобладает Его присутствие или нет. Дело не в том, чтобы делать или не делать, а в том, чтобы позволить Присутствию войти в нашу жизнь и поразить нас настолько, чтобы Оно господствовало в жизни. И если Он не господствует, мы можем делать или нет, но побеждают жалобы, неудобства. Как часто сейчас люди выкраивают себе участки пространства, чтобы не усложнять себе жизнь. Но разве это нам отвечает? Ответит ли нам любая форма этого противопоставления? Проблема в том, что мы иногда думаем, что этой нашей деятельностью мы можем справиться. Нет! Нужно, чтобы вся наша деятельность, как и весь наш

отдых, были объяты Его Присутствием. Поскольку то, что происходит в деятельности, происходит на отдыхе! Поскольку, даже ничего не делая, мы не тоскуем по Нему: то же умаление, что в делах, происходит и на отдыхе, поэтому мы ездим в отпуск, как язычники, ожидая только того, чего ожидают все, а не используя и отпуск, для того чтобы жить памятью о Нем, отчаянно стремиться произносить Его имя.

Суть, в конечном счете, всегда кроется в вере: преобладает ли это Присутствие как событие в жизни. Будем внимательны! Не подумайте, будто это значит, что необходима невозможная последовательность или безошибочность. Нет, нет и нет! Мы это хорошо видим, когда живо событие влюбленности. Мы можем ошибаться, как и прежде, но преобладает неотложность, благодарность и радость от присутствия любимого человека. Я рад, потому что Ты живешь, Христе, потому что Ты есть. И я не должен задыхаться в любых своих делах, в активности или на отдыхе, потому что есть Ты! Именно в этом суть веры, так как для нас вера имеет отношение ко всему, а не выкраивает для себя кусочек жизни. Вера имеет отношение ко всему.

И поэтому в этом году мы продолжаем, стараясь следовать за тем, что предлагает нам Церковь в Год веры, чтобы вновь открыть красоту веры для жизни, чтобы жить больше, жить насыщеннее, жить подлинной насыщенностью жизни, так, чтобы ответить на ту «повседневность, которая сбивает нас с ног». Иначе вера будет иметь срок годности; но не по нашей злобе, а потому что она потеряет для нас всякий интерес. Объект наших интересов перемещается в другое место. Человек может находиться здесь, а его интересы – в другом месте. Поэтому, как говорил отец Джуссани, не так трудно понять, что мы можем принадлежать Движению и при этом вера не является центром нашего интереса! Не потому что отец Джуссани думает, что мы впадаем в ересь против веры, но потому что центр привязанности нашего «я» уже сместился в другое место, мы не ожидаем всего от Него. В этом суть веры.

Живя признанием этого Присутствия через то, что Христос рождает в нас, мы сможем свидетельствовать о Нем во всем, что мы должны делать, во всех жестах, которые будем делать. Будем же помогать в этом друг другу. Братство существует для этого.

Объявления

Скажу по поводу Братства несколько слов, которые помогут нам вернуться к цели. Я был поражен несколькими просьбами о записи в Братство; они говорят о той точке, о том беспокойстве, в связи с которым Джуссани начал Братство.

В одной из них говорится: «Сегодня, после двух лет в Движении, я понял, что это правильный путь, потому что метод, который оно мне предлагает, помогает в жизни, мне помогают суждения, которые мы выносим, разделение опыта, которому мы учимся на Школе общины. Я учусь понимать, что прочность моей свободы и счастья основывается не на моей индивидуальной независимости, а на отношении с «Ты», с сознанием того, что я иду по пути к своей судьбе. Проживаемые в общине дружба и единство являются неотъемлемой частью этого пути, этого отношения, а также моего счастья и свободы. Я прошу о вступлении в Братство Движения, потому что Господь дал мне понять, что это мой путь».

Другой друг пишет: «Я хотел бы вступить в Братство, так как осознаю, что это единственный путь, который делает меня счастливым и на котором мне открывается Христос. Он открывает Себя именно через Движение. Когда я познакомился с Движением, я был большим индивидуалистом [в этом-то все и дело: человек может начать с индивидуализма, но затем возникает желание принадлежности, потому что он пережил опыт освобождения из собственной клетки], человеком, который хотел преуспеть во всем в одиночку, по-своему. Движение было моим проектом [когда у нас такая установка, то даже из Движения мы делаем проект], и я был упорен в этом. Потом я вынужден был искать компромиссы, и, когда что-то не работало, начинались проблемы. Но постепенно во всем, что я проживал, как в хорошем, так и в плохом, я научился тому, что нуждаюсь в месте, где могу постоянно встречать живого Христа». [Человек может начать так, как может, мы ограниченные. Дело в том, что в определенный момент он оказывается перед чем-то, неподлежащим умалению]. «Я научился тому, что нуждаюсь в месте, где могу встречать живого Христа [он знает на опыте, чем он жил вначале и что происходит, проживая в таком месте, как Братство]. Для меня этим местом стала община Движения, где во мне обновляется память о том, что важно для моей жизни. Это также место, где я постоянно учусь, где чувствую себя дома».

На последней встрече ответственных Братства в прошлом месяце наш друг рассказал о том, что за короткое время в Монреале, в Канаде, умерло трое друзей. Один из них, больной раком, торопился записаться в Братство перед смертью так, что даже попросил рассмотреть и принять его просьбу как можно скорее. Он был похоронен с членским билетом Братства в кармашке, около сердца, как с неким сокровищем. Он хотел умереть, принадлежа месту, где к нему пришел Христос.

В интервью 1992 года отец Джуссани сказал: «Запись в Братство – это личный поступок, полностью относящийся к инициативе отдельного человека, а не выбор некой группы людей. Он рождается как личная необходимость для собственной веры [как мы видели] и для реализации собственного христианского лица. Его целью [...] является участие в компании, которая помогала бы на пути к святости, то есть в познании Христа, в любви ко Христу для блага всех людей, для Царства Божьего на земле».

Мы должны почаще перечитывать эти слова, поскольку они говорят нам, что такое Братство, перед лицом всех наших умалений. «Рождается как личная необходимость для собственной веры», то есть для собственной жизни, как «участие в компании, помогающей на пути к святости»¹⁴³.

Когда это неясно, когда человек умалил свою нужду и свою потребность, тогда действительно непонятно, что есть Братство. Например, в январе на встрече ответственных США некоторые из участников рассказали мне о трудности участия в Братстве. Почему? Потому что Братство – это предложение, касающееся всей жизни, по природе самого христианского события. Но часто – и это повсеместная проблема – мы соглашаемся на участие в клубе, в различных ассоциациях, где отвечают на какие-то отдельные потребности, и иногда Братство является одним из многих мест или клубов, в котором участвует человек. Американские друзья спрашивали меня о причине этой трудности. Я ответил: «Живите Братством таким образом, в чем дело? Проводите Братство как клуб, где проблема? Так все в порядке?» И потом один за другим они выступали и говорили: «Нет, так не пойдет. Моей жизни не хватает вот этого, не хватает того...». «Тогда сведение Братства к одному из клубов не решает жизни, не помогает. Поэтому Братство – это предложение, отличное от любого клуба, у вас у всех есть членские билеты разных клубов, и вы выходите сюда один за другим, чтобы рассказать о том, что не так. И поэтому, если Братство проживается как еще один клуб, интерес проходит». Напротив же, предложение Братства иное. Кто действительно может ему принадле-

¹⁴³ Л. Джуссани «Для взрослой веры», интервью с П. Колоньези, *След*, февраль 1996 г.

жать? Кто может этого желать? Кто не довольствуется меньше, чем всем! То есть тот, кто чувствует в себе эту неотложность личной необходимости. Если мне не приходит гипотеза Братства, она не приходит потому, что не хватает этого желания святости, то есть этого желания полноты, о котором говорит Джуссани, желания полного свершения жизни. У кого есть это желание, тот чувствует потребность объединиться с другими, ощутить поддержку в своей попытке, осознавая собственную хрупкость. Это дружба как компания, ведомая к судьбе. Гипотеза Братства приходит как последствие этого желания, этого следования. Поэтому достаточно быть честными со своими потребностями, чтобы осознать необходимость в реальном, настоящем, неподлежащем умалению месте, где мы по-настоящему получаем помощь.

Как еще говорил отец Джуссани: «Цель Братства – вовлечение личной ответственности по отношению к святости и судьбе. Настоящая проблема в способности к дружбе, совместной жизни [в смысле «компании, ведомой к судьбе»]. Это совместное проживание без претензий, без мерок, без сентиментализма [говорил отец Джуссани], которое доходит до социальной и материальной помощи. Школа общины и миссия – нужно посвящать себя этим целям»¹⁴⁴.

И вновь в Америке мне задали вопрос о первых возникавших группах со следующим беспокойством: «Поскольку по всей территории увеличилось количество групп Братства, мы хотим понять, в чем важность участия в Общем фонде и следования правилам, которые позволяли бы придать структурность этой дружбе». Здесь мы видим, как говорили раньше, что проводить жест, следовать минимальному правилу молитвы, напоминать себе о верности Общему фонду – все это маленькие шаги, минимальное вовлечение, но это самое простое выражение желания принадлежности Братству. Понимание смысла этих простых действий является решающим, для того чтобы проживать их не формально, а как выражение нашей принадлежности. Но до этого еще долгий путь. Если мы живем ими искренне, по-настоящему, эти действия помогают углубить осознание принадлежности и поэтому постоянно рождают эту принадлежность, они являются способом подпитки сознания принадлежности, являются помощью.

В письме к новым членам Братства отец Джуссани писал: «*Братство Движения* желает быть сознательным и вовлеченным, а значит зрелым выражением истории Движения. Оно стремится достичь уровня, на котором все догадки, которые по благодати Божьей нас воодушевляли и

¹⁴⁴ Л. Джуссани «Для взрослой веры», интервью с П. Колоньези, *След*, февраль 1996 г.

воодушевляют, осуществились как в смысле их осознания, так и в смысле эффективности»¹⁴⁵. В этом плане важно также заботиться и о «формальных» аспектах жизни ассоциации. К примеру, на последней встрече ответственных меня поразило выступление ответственного из Латинской Америки, где он говорил, что возможностью воспитания могут быть также и формальные дела, к исполнению которых мы призваны. Будучи вынужден заниматься выборами епархиальных ответственных Братства в разных странах, – как вам известно, раз в три года члены Братства епархий, где существует Братство, призваны избирать епархиальных ответственных – он рассказывал, что это казалось формальностью. И он говорил: «Поначалу это не было столь важным для нас. Однако, приняв этот факт всерьез, я понимаю, что даже такая юридическая деталь может стать очень важным аспектом воспитания. Этот факт призвал меня к серьезности по отношению к свободе людей, участвующих в выборах, и к попытке вынести суждение по поводу ситуации Движения, спрашивая мнение других людей». Все эти инструменты мы можем использовать формально, либо они могут стать для нас возможностью воспитания, для того чтобы понять, чем является для нас наша компания, наше Братство.

Отец Джуссани говорил: «Братство Движения имеет целью укреплять будущее опыта Движения и его пользу для Церкви и общества через преемственность воспитания и созидание дел, как следствие такого воспитания, внутри структур церковного и гражданского общества. В данном смысле я имею в виду людей, которые находятся здесь до конца»¹⁴⁶. Наше Братство созидают именно люди, которые желают принадлежать «до конца».

Общий фонд

В заключение хочу еще раз подчеркнуть важность Общего фонда. Как я сказал на Общем собрании «Компании дел» 25 ноября прошлого года: «С самого начала Движение жило исключительно благодаря материальным пожертвованиям людей, которые ему принадлежат. Кто принадлежит Движению, берет на себя обязательство ежемесячно платить определенную сумму денег, которую он свободно определяет сам, так называемый «Общий фонд», на который отец Джуссани всегда указывал как на жест, воспитывающий восприятие сопричастности в том, чем мы обладаем, воспитывающий сознание бедности как евангельской добродетели и как жест благодарности за то, чем мы живем в Движении. Именно по причине

¹⁴⁵ Л. Джуссани, *Дело Движения. Братство «Общения и освобождения»*

¹⁴⁶ Там же

воспитания важен не размер взноса, а серьезность, с которой мы остаемся верными взятому на себя обязательству. Для поддержания жизни наших общин в Италии и в мире, благотворительных, миссионерских и культурных инициатив Движение не нуждается ни в чем ином [и я должен кричать всем, что мы не нуждаемся в ином!], и поэтому мы свободны от всего и от всех в исполнении нашего задания»¹⁴⁷.

Но с этим мы еще испытываем трудность. В то время как другие жесты в жизни Движения все больше и больше «приходятся впору» (например, каритатива, так как человек ощущает, каким благом является участие в каритативе для его дальнейшей жизни), что касается Общего фонда, нам нужно еще пройти определенный путь, поскольку до сих пор имеются – здесь! – три тысячи человек, которые ничего не дают в Общий фонд. Почему? Не просто по экономическим причинам. Проблема здесь не в количестве денег, а в верности. Дело в том, что мы не понимаем воспитательной важности, способности породить новый образ жизни. И поэтому у нас возникает трудность. Первая причина Общего фонда – это воспитание себя жить всем как даром, полученным от Другого. И не стоит об этом забывать. Вторая причина – сотрудничество с миссией Церкви в созидании Движения. Чем больше мы понимаем важность этого, тем больше желаем, чтобы оно распространялось, чтобы мы могли донести его повсюду (где Движение рождается постоянно).

Некоторые живут этой верностью фонду общины даже в трудностях. Прочитаю одно письмо: «К сожалению, сегодня вечером я пишу вам не то, что уже несколько лет хотела бы написать, а точнее, что я полностью расплатилась со всеми моими взносами в Общий фонд, но должна сказать вам, что больше уже не смогу оплатить задолженность [среди нас возможно даже говорить подобное, с умерщвлением себя, между собой мы можем свободно об этом говорить]. Пока я пыталась постепенно откладывать какие-то деньги для Общего фонда, возникали непредвиденные затраты. Нет смысла говорить, что сейчас трудные времена. Мой муж очень много работал за небольшую зарплату, и все-таки, даже многим жертвуя, чтобы расплатиться с кредитом и покрыть все наши расходы, нам не всегда удается выполнять свои обязательства без помощи родителей. До сегодняшнего дня я никогда вам не писала и даже не уменьшала размер взноса, ведь он и так был небольшой, потому что стыдилась, что не могу соблюдать свое обязательство. А сейчас мне стыдно, что я поддаюсь гордости и потеряла так много времени в мыслях, вместо того чтобы участвовать в таком деле, пусть даже малым.

¹⁴⁷ Х. Каррон «Смелые в реальности», След, декабрь 2012 г.

[Сумма не важна. Это проблема принадлежности, любви к тому, чем мы живем среди нас] Надеюсь, когда-нибудь я смогу возобновить взносы». То, что человек может испытывать такое страдание, говорит намного больше того, что он может отдать.

Год веры – паломничество в Рим

Напоминаю о важности паломничества в Рим 18 мая, предложенного в Год веры Папским Советом по содействию новой евангелизации, что станет первой встречей Папы Франциска с церковными движениями и новыми общинами.

Книги

Вышла новая книга отца Джуссани, которая содержит материалы собрания ответственных студенческих общин 1990-1991 годов «Un evento reale nella vita dell'uomo» («Реальное событие в жизни человека»). Удивительно, как отец Джуссани описывает природу христианства: «Реальное событие в жизни человека – это признание и присоединение ко Христу, это приятие того, что мы были избраны»¹⁴⁸. Или еще: «Христианство – это не та связь, которую ты устанавливаешь со Христом, но связь, которую Христос устанавливает с тобой»¹⁴⁹. Только тот, кто позволяет этому реальному событию изменить себя, может стать действующим лицом настолько, что сможет жить с бесконечной усталостью повседневности, не будучи побежденным обстоятельствами.

Книга месяца на май-июнь: «Власть без власти» Вацлава Гавела (предисловие Марты Картабии). Исходный текст был обогащен другими очень интересными речами Гавела, произнесенными в 1978 году. Сейчас мы можем гораздо лучше понять силу этих текстов. Достаточно вспомнить знаменитый пример Гавела про огородника как свидетельство «революционного», культурного, познавательного аспекта человеческого «я», определяющего себя в реальности. В этом – наш единственный ресурс, как говорил нам отец Джуссани.

«След»

Отец Пино рассказал о своем изумлении от того, что в Католическом университете каждое утро группа студентов продает журнал и что все началось с инициативы одной девушки, сказавшей: «Это не журнал Движения. Это «мой» журнал». Она поговорила с пятью, десятью друзьями. Для

¹⁴⁸ L. Giussani, *Un evento reale nella vita dell'uomo...*, op. cit., p. 163.

¹⁴⁹ Там же, pp. 326-327.

некоторых это стало возможностью встречи, как, например, при продаже мартовского «Следа», где на обложке был Папа Бенедикт. Некоторые хотели понять, почему это так важно для нас.

СВЯТАЯ МЕССА

Чтения Святой Мессы: Деян 13,14.43-52; Пс 99; Откр 7,9.14-17; Ин 10,27-30

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ

«И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей». Этого желает Христос для меня, для каждого из нас: быть со мной, быть с каждым из нас в вечности. Ты хочешь, чтобы я был Твоим вовек. Это вечная жизнь. Мы могли бы сказать, что Иисус умирает от желания быть с нами. Он умер от желания быть со мной, от желания сделать меня Своим навечно.

Но кто я для Тебя? Потому что только перед верностью и невообразимым утверждением Христа, более того, только перед этим истинным признанием в любви, первой любви – «овцы Мои», как называет Иисус каждого из нас: «Моя овечка»; как папа и мама так говорят о своем ребенке, как влюбленный мужчина говорит о женщине, которая сказала ему «да»; «Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною», – только перед лицом этого признания в любви мы можем понять, кем мы являемся. То, кем я являюсь, совпадает с тем, кем я являюсь для Тебя; кем я являюсь для Тебя, Господи.

Никто не вырвет нас из этого опыта, никто не сможет вырвать нас из Его руки, никто. Мы никогда не сможем избавиться от формы, которую ты запечатлел в наших сердцах, встретив нас одного за другим, потому что Христос встретил все тысячи находящихся здесь людей, каждого лично, по одному; это необъятное множество, которое никто не мог сосчитать, все народы, все племена, нации и языки – были собраны по одному. Кто из нас сможет сказать, что не Господь привел его сюда, утерев всякую слезу с его глаз? Ты сделал нас Твоими, и с этого момента никто не сможет отнять у нас ту встречу, которая сделала нас Твоими.

Есть только одна опасность, опасность самих иудеев, которые – как говорят Деяния Апостолов – не считали себя достойными вечной жизни. Можно быть ревностными к этой принадлежности и тем не менее не присоединяться. Можно принадлежать к избранному народу и не присоединяться. Это точка невероятного сопротивления, и однако всегда возможно, как мы прекрасно знаем, как хорошо мы знаем эту невыносимую гордость, это самолюбие вплоть до саморазрушения. Но внимательно посмотрев на эту точку сопротивления, мы видим, что она еще больше наполняет нас удивлением, потому что Ты, Господи, предпочитаешь рискнуть услышать мое «нет», чем купить мою свободу. Но почему Ты так сильно любишь меня? Почему?

Попросим на этой Святой Мессе, чтобы Святой Дух через плоть Богородицы, от которой родилась эта компания, сохранил в нас это изумление, так как через него становится истинным то, что никто никогда не отлучит нас от любви Ее Сына.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие мои,

тема Упражнений этого года «Кто отлучит нас от любви Христа?» мощно являет то, каким образом должно предлагаться христианское воззвешение, особенно мужчинам и женщинам нашей измученной Европы. Действительно, только уверенность в том, что мы окончательно захвачены Его любовью, делает возможной страстную открытость по отношению к тому, что отец Джуссани назвал «все существующее и все существование». Уверяю вас в своей молитвенной близости и любви в эти дни, имеющие чрезвычайное значение для жизни Движения «Общение и освобождение».

Приветствую и благословляю вас.

*Кардинал Анджело Скола
Архиепископ Милана*

Дорогой отец Хулиан Каррон,

присоединяюсь ко всем вам, собравшимся на Духовные упражнения Братства в этот чрезвычайный момент, когда все мы участвовали в великих событиях благодати, таких, как отречение от престола св. Петра Бенедикта XVI и начало понтификата Папы Франциска, нового «епископа Рима». Господь изумил нас Своим присутствием и качеством Своей близости. Как мы ощущали насыщенное и прекрасное отцовство Бенедикта, так я особенным образом ощущаю, благодаря двадцати семи годам, прожитым в Бразилии, близость с сердцем и непосредственным и простым стилем Франциска. Встреча с ним в Аргентине и в Апаресиде в Бразилии стали благодатью, открывающей наше сердце ко всеобъемлющему следованию, несущему в себе ум и полную расположенность, как было это для нас при всех Понтификах, согласно тому, чему научил нас отец Джуссани. Поэтому тема Упражнений «Кто отлучит нас от любви Христовой?» открывает нас к школе харизмы и наполняет доверием к тому пути, который Господь предлагает сегодня всем нам и Своей Церкви.

Я прошу у Духа благодати жить этими Упражнениями как истинной возможностью, как благоприятным моментом для нашей личности и для нашей миссии в мире. В Год веры и пред лицом стольких чудес милосер-

дия Божьего, пусть Богородица сделает нас таким же открытыми, какой была она к принятию дара Бога, чтобы мы полностью вверили себя Его замыслу и честно передали всем то, что произошло.

Призывая на вас благословение Господа и заступничество Матери Божией, сердечно вас приветствую.

*Монсеньор Филиппо Санторо
Архиепископ Таранто*

ОТПРАВЛЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Его Святейшеству

Папе Франциску

Святейший Отец, 24 000 членов Братства «Общение и освобождение», собравшихся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, и тысячи человек, участвовавших в них по видеосвязи в 21 стране мира, размышляли над темой «Кто отлучит нас от любви Христа?».

С благодарностью за Ваше благословение, позволяющее нам ощутить материнство Церкви, мы углубили сознание о том, что «Господь жив и идет с нами», потому что христианство – это опыт события Христа воскресшего, как свидетельствовал нам своей жизнью отец Джуссани и как мы видим в словах и действиях Вашего Святейшества, постоянном источнике изумления и любви.

Во времена, когда вера уже не является «само собой разумеющейся предпосылкой» (*Porta fidei*), мы почувствовали обращенный к нам вопрос Иисуса: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?». Начало Вашего Понтификата побуждает нас к открытию того, что вера является не теорией или сводом правил, а признанием Присутствия «привлекательного и убедительного, ибо оно отвечает на глубокую потребность человеческого существования».

С памятью об отце Джуссани мы хотим прожить его опыт, стремясь настолько исполниться взгляда Христа, чтобы стать иным, иным присутствием, особенно на «жизненных перифериях» этого мира.

В этот Год веры вверяем себя самих и наши общины, рассеянные по миру, в руки Вашего Святейшества, с желанием свидетельствовать о радости христианства, чтобы помочь нашим собратьям людям найти во Христе спасительное милосердие.

К поздравлениям в связи с приближающимся днем Вашего святого покровителя присоединяем молитву Богородице, чтобы она сделала «легким бременем» Ваше служение Преемника святого Петра в пути с Вашим народом.

В ожидании встречи с Вашим Святейшеством 18 мая на площади святого Петра.

Спасибо, Святой Отец.

Его Святейшеству почетному Папе Бенедикту XVI

Ваше Святейшество, вместе с 24.000 друзей из Братства «Общения и освобождения», собравшимися на ежегодные Духовные упражнения в Римини, и тысячами человек, участвовавшими в них по видеосвязи в 21 стране мира, размышляя над темой «Кто отлучит нас от любви Христа?», я думал о Вас. Мы все просим Богородицу сопровождать Вас в отожествлении со Христом, никогда не оставляющим нас Другом. Вы скрыты от глаз мира, но не от наших сердец, привязанных к Вам, я прошу Вас о молитве за каждого из нас, чтобы мы могли вновь открыть радость христианства в этот Год веры, с отцовской любовью объявленный Вами, чтобы свидетельствовать о красоте христианства в повседневной жизни.

*Глубокоуважаемому Джорджо Наполитано
Президенту Итальянской республики*

Глубокоуважаемый господин Президент, 24.000 членов Братства Движения «Общение и освобождение», собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, узнали о Вашем переизбрании.

«В этот момент мною движет чувство, что я не могу избежать принятия на себя ответственности по отношению к стране, уповая на то, что вам соответствует коллективное принятие аналогичной ответственности». Действие Вашей свободы заставляет нас все больше восхищаться Вашей личностью. В этот драматический момент Вы являете себя источником помощи Италии перед лицом необходимости вернуться на путь истинного примирения, которое принесет столь необходимое благо для личной и общественной жизни.

Осознавая свои ограничения, как верующие люди, воспитанные отцом Джуссани страстно любить судьбу собратьев людей, мы желаем принести наше свидетельство, вместе с каждым человеком доброй воли, как вклад в разрешение этой ситуации, утверждая ценность другого в поиске всеобщего блага, что стоит выше всякого частного интереса.

Понимая огромную тяжесть новой ответственности, мы желаем Вам добиться того, ради чего Вы принесли эту великую жертву.

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Баньяско
Председателю Итальянской конференции епископов*

24.000 членов Движения «Общение и освобождение», собравшихся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, в размышлении над темой «Кто отлучит нас от любви Христа?» в уверенности, что воскресший

Господь единственный способен наполнить бесконечную нужду сердца, подтверждают обязательство проживать все более личную веру, следуя за Папой Франциском, призывающим нас к свидетельству на «жизненных перифериях» нашего общества, особенно в этот период смятения современного мира.

*Его Высокопреосвященству кардиналу Станиславу Рилько
Председателю Папского Совета по делам мира*

Ваше Преосвященство, 24.000 друзей из Братства «Общение и освобождение», собравшихся на ежегодные Духовные упражнения в Римини, и тысячи человек, участвовавших в них по видеосвязи в 21 стране мира, размышляя над темой «Кто отлучит нас от любви Христа?», обновляют обязательство жить Крещением как свидетельством радости христианства, в следовании за Папой Франциском.

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Сколе
Архиепископу Милана*

Дорогой Анджело, с благодарностью за твое послание сообщаем, что в эти дни мы вновь пережили опыт присутствующего Христа, захватывающего нас через учение, которому мы были поручены.

Просим тебя молиться за каждого из нас, чтобы мы становились все более исполнены Его привлекательного и убедительного взгляда, не сводимого к какой бы то ни было нашей мере, чтобы свидетельствовать в мире о соответствии веры потребностям жизни.

*Его Высокопреосвященству монсеньору Филиппо Санторо
Архиепископу Таранто*

Дорогой Филиппо, твое послание помогает нам осознавать полученную нами благодать иметь отца Джуссани нашим отцом в вере.

С желанием следовать за Папой Франциском мы возвращаемся домой более уверенными в том, что ничто и никто не сможет отлучить нас от любви Христа, если мы будем столь простыми, что каждый раз станем изумляться событию Его присутствия, которое происходит среди нас сейчас.

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

(Названия картин, сопровождавших музыку при входе и выходе из зала)

Путь Петра в следовании за Христом – от призыва на берегу Генисаретского озера к обновленной жизни, устремленной к полному отождествлению с Ним, порыву миссии, до разделения Его смерти на кресте – представляется нам как абсолютное выражение существования, прожитого в отдаче всего себя Иисусовой любви, которой никто не сможет у нас отнять.

1. Эжен Бюрнан, *Апостолы Петр и Иоанн бегут ко гробу*, Париж, Музей д'Орсэ
- 2-4. Дуччо да Буонинсеня, *Призвание Петра и Андрея*, полностью и фрагменты, Вашингтон, Национальная галерея искусства
5. Джусто дей Менабуои, *Призвание Петра и Андрея*, Падуя, Баптистерий
- 6-10. Мазаччо, *Чудо со статиром*, полностью и фрагменты, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
11. *Исцеление тещи Петра*, мозаика, Монреаль, Кафедральный собор
12. *Спасение Петра на воде*, мозаика, Монреаль, Кафедральный собор
13. *Встреча Христа с хананеянкой*, мозаика, Монреаль, Кафедральный собор
14. Пьетро Лоренцетти, *Омовение ног*, Ассизи, Базилика св. Франциска, Нижний храм
- 15-16. Джотто, *Омовение ног*, полностью и фрагменты, Падуя, Капелла Скровеньи
17. Андреа де Бартоли, *Молитва в Гефсиманском саду*, фрагмент, Ассизи, Базилика св. Франциска, Нижний храм
- 18-19. Дуччо да Буонинсеня, *Молитва в Гефсиманском саду*, полностью и фрагменты, обратная часть *Маэсты*, Сиена, Музей Дуомо
20. Дуччо да Буонинсеня, *Взятие Христа под стражу*, обратная часть *Маэсты*, Сиена, Музей Дуомо
21. Дуччо да Буонинсеня, *Отречение Петра*, обратная сторона *Маэсты*, Сиена, Музей Дуомо
22. Дуччо да Буонинсеня, *Явление Христа апостолам при закрытых дверях*, фрагмент, обратная часть *Маэсты*, Сиена, Музей Дуомо
23. Дуччо да Буонинсеня, *Явление Христа ученикам на Тивериадском озере*, обратная часть *Маэсты*, Сиена, Музей Дуомо

24. Дуччо да Буонинсенья, *Явление Христа ученикам на горе*, обратная часть *Маесты*, Сиена, Музей Дуомо
- 25-26. Джотто, *Пятидесятница*, полностью и фрагменты, Падуя, Капелла Скровеньи
27. *Пятидесятница*, миниатюра кодекса *Collectaneus Ottobeuren*, XI век, f. 28, Лондон, Британская библиотека
28. *Воскресение Тавифы*, мозаика, Монреаль, Кафедральный собор
29. *Петр исцеляет калеку*, мозаика, Палермо, Капелла Палатина
30. Мазаччо, *Петр исцеляет калеку*, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
31. Мазаччо, *Воскресение Тавифы*, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
32. Мазаччо, *Воскресение сына Теофила*, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
33. Мазаччо, *Петр исцеляет своей тенью*, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
34. Мазолино да Паникале, *Проповедь Петра*, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
35. Мазаччо, *Раздача милостыни и смерть Анании*, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
- 36-37. Филиппино Липпи, *Павел посещает Петра в темнице*, полностью и фрагмент, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
- 38-39. Филиппино Липпи, *Освобождение Петра из темницы*, полностью и фрагмент, Флоренция, Церковь Кармине, Капелла Бранкаччи
40. *Освобождение Петра из темницы*, мозаика, Палермо, Капелла Палатина
41. *Встреча Петра и Павла*, мозаика, Палермо, Капелла Палатина
42. *Встреча Петра и Павла*, мозаика, Монреаль, Кафедральный собор
43. *Спор с Симоном волхвом*, мозаика, Палермо, Капелла Палатина
44. *Падение Симона волхва*, мозаика, Палермо, Капелла Палатина
45. *Апостолы Петр и Павел*, барельеф, Аквилея, Национальный Археологический музей
46. *Апостолы Петр и Павел*, изображение на саркофаге юноши Аселлуса, Ватикан, Ватиканские музеи
47. Маэстро ди Соригверола, *Апостолы Петр и Павел*, Вих, Епископский музей
48. *Распятие Петра*, фреска, Папская капелла Sancta Sanctorum, Рим, Базилика Сан Джованни ин Латерано
49. Мазаччо, *Распятие Петра*, подножие Полиптиха Пизы, Берлин, Государственные музеи, Берлинская картинная галерея

50. Караваджо, *Распятие Петра*, Рим, Санта Мария дель Пополо
51. *Святой Петр на престоле*, мозаика, Монреаль, Кафедральный собор
52. *Лик Петра*, мозаика, Рим, Базилика святого Павла за стенами
53. *Лик Петра*, фреска, Ватикан, Фабрика святого Петра
54. Школа Векьетты, *Петр*, деревянная статуя, Монтемерано (Гроссето), Святой Георгий
55. *Бюст святого Петра*, мрамор, Ватикан, Базилика святого Петра
56. *Святой Петр на кафедре*, бронза, Ватикан, Базилика святого Петра
57. Вид площади святого Петра с Лоджии благословений

Заниси

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ФРАНЦИСКА 3

Пятница 19 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ 4

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО 13

Суббота 20 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — «*Ангел Господень возвестил Марии*» 14

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА
ЖАНА-ЛУИ ТОРАНА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАПСКОГО СОВЕТА
ПО МЕЖРЕЛИГИОЗНОМУ ДИАЛОГУ 40

Суббота 20 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — «*Да будет мне по слову Твоему*» 44

Воскресенье 21 апреля, утро

СОБРАНИЕ 65

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ 83

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ 85

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 87

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 90

